

Лидер продаж в Великобритании

*Книгу экранизируют создатели фильма
«Три билборда на границе Эббинга, Миссури»*

Мэтт Хейг

Полночная библиотека



Мэтт Хейг

Полночная библиотека

Издательство "Livebook/Гаятри"

2020

УДК 82-3
ББК 84

Хейг М.

Полночная библиотека / М. Хейг — Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2020

ISBN 978-5-907056-85-5

Если бы наша жизнь сложилась по-другому, была бы она лучше? Мы не знаем. Но та, которая нам дана, – ценна сама по себе, об этом новый роман Мэтта Хейга. Между жизнью и смертью есть библиотека. В нее-то и попадает 35-летняя Нора, учительница музыки из Бедфорда, когда однажды ночью вся ее жизнь полетела под откос. Полки здесь тянутся бесконечно. Каждая книга дает шанс прожить свою собственную, но совсем другую жизнь. Принимать другие решения и, главное, не сожалеть о том, что когда-то не случилось. Оказывается, поступи Нора иначе в тот или иной момент жизни, она могла бы стать рок-звездой, олимпийской чемпионкой, ученым-гляциологом, женой и матерью, побывать в Австралии. Но стала бы она счастливее?

УДК 82-3

ББК 84

ISBN 978-5-907056-85-5

© Хейг М., 2020
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2020

Содержание

Беседа о дожде	9
Мужчина у двери	11
Теория струн	13
Жить – значит страдать	16
Двери	17
Как быть черной дырой	20
Антиматерия	21
00:00:00	24
Библиотекарша	26
Полночная библиотека	27
Движущиеся полки	28
Книга сожалений	30
Избыток сожалений	31
Любая жизнь начинается сейчас	32
Три подковы	34
Предпоследний пост, который Нора опубликовала до того, как оказалась между жизнью и смертью	44
Шахматная доска	45
Единственный способ научиться жить	47
Огонь	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Пер. С Англ. К. Чистопольской

Полночная библиотека

© Matt Haig, 2020

© Ксения Чистопольская, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство Лайвбук», оформление, 2020



MATT HAIG

**THE MIDNIGHT
LIBRARY**

МЭТТ ХЕЙГ

**ПОЛНОЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

Москва
2021

Посвящается всем медицинским и социальным работникам.

Спасибо.

«Я никогда не смогу быть всеми теми людьми, которыми хочу быть, и прожить все те жизни, которые хочу прожить. Я никогда не смогу овладеть теми навыками, которыми хочу овладеть. А почему я хочу этого? Я хочу жить и чувствовать в своей жизни все возможные оттенки, тональности и вариации душевного и физического опыта».

Сильвия Плат

«Между жизнью и смертью есть библиотека, – сказала она. – И в этой библиотеке полки тянутся бесконечно. Каждая книга дает шанс попробовать другую жизнь, которую ты могла бы прожить. Увидеть, как все обернулось бы, принимай ты другие решения... Ты изменила бы что-то, будь у тебя возможность исправить то, о чем сожалеешь?»

Беседа о дожде

За девятнадцать лет до того, как Нора Сид решила умереть, она сидела в теплой маленькой библиотеке в школе Хейзелдин в городе Бедфорд. Она устроилась за низеньким столиком, вперив взгляд в шахматную доску.

– Нора, милая, беспокоиться о своем будущем – вполне естественно, – сказала библиотекаря, миссис Элм, и ее глаза блеснули.

Миссис Элм сделала первый ход. Конь перепрыгнул через ровный ряд белых пешек.

– Разумеется, ты будешь волноваться из-за экзаменов. Но ты можешь стать кем захочешь, Нора. Подумай обо всех возможностях. Это же так вдохновляет.

– Да. Наверно.

– Вся жизнь раскинулась перед тобой.

– Вся жизнь.

– Ты можешь что угодно сделать и где угодно жить. Там, где не так холодно и влажно.

Нора подвинула пешку на две клетки.

Было трудно не сравнивать миссис Элм со своей мамой, которая обращалась с Норой так, будто она – ошибка, требующая исправления. Например, когда Нора была маленькой, ее мать так беспокоилась, что левое ухо дочки торчит чуть больше правого, что поправляла ситуацию клейкой лентой, а потом скрывала результат под шерстяной шапкой.

– *Ненавижу* холод и сырость, – добавила миссис Элм со значением.

У миссис Элм были короткие седые волосы, доброе и слегка морщинистое овальное лицо, которому добавлял бледности ворот желтовато-зеленой водолазки. Она была довольно пожилой. Но также она была единственным человеком в школе, с кем Нора оказалась на одной волне, и девочка предпочитала проводить всю большую перемену в маленькой библиотеке не только в дождливые дни.

– Холод и влажность не всегда сочетаются, – сообщила ей Нора. – Антарктида – самый сухой континент на Земле. По сути, это пустыня.

– Для тебя, похоже, в самый раз.

– Для меня это недостаточно далеко.

– Может, тебе стоит стать космонавтом. Бороздить галактику.

Нора улыбнулась.

– На других планетах дождь еще хуже.

– Хуже, чем в Бедфордшире?

– На Венере с неба льет кислота.

Миссис Элм выдернула из рукава бумажную салфетку и аккуратно высморкалась.

– Видишь? С твоими мозгами можно быть кем угодно.

Светловолосый мальчик на пару лет младше Норы пробежал мимо забрызганного дождем окна. Видимо, гнался за кем-то – а может, за ним гнались. С тех пор как ее брат уехал, она чувствовала себя весьма незащищенной. Библиотека стала ее маленьким культурным приютом.

– Папа считает, что я все забросила. Еще и плавать перестала.

– Ну, не мне судить, но в мире есть вещи поинтереснее, чем плавание на скорость. Как я говорила на прошлой неделе, ты могла бы стать гляциологом¹. Я тут искала и...

И вдруг зазвонил телефон.

– Минутку, – сказала миссис Элм мягко. – Нужно ответить.

Прошло мгновение, Нора ждала, пока миссис Элм говорила по телефону.

– Да. Она сейчас тут.

¹ Гляциолог – специалист по природным льдам. – *Примеч. ред.*

Лицо библиотекарши вытянулось в ужасе. Она отвернулась от Норы, но ее слова были слышны в притихшем зале.

– О нет. Нет. О боже. Конечно...

Девятнадцать лет спустя

Мужчина у двери

За двадцать семь часов до того, как Нора Сид решила умереть, она сидела на своем полуразвалившемся диване и в ожидании каких-то событий просматривала в телефоне чужие счастливые жизни. А затем внезапно кое-что действительно произошло.

Кто-то по какой-то странной причине постучал в ее дверь.

Она некоторое время раздумывала, открывать ли. В конце концов, на ней уже была одежда для сна, несмотря на то что часы показывали всего девять вечера. Она ощутила неловкость из-за чрезмерно большой футболки ECO-WORRIER² и клетчатых пижамных штанов.

Нора надела тапочки, чтобы выглядет поприличнее, и обнаружила, что за дверью стоит мужчина, причем знакомый.

Высокий, по-мальчишески нескладный, с добрым лицом, но с острым и ясным взглядом – будто видит все насквозь.

Нора обрадовалась ему, хотя визит был слегка неожиданным, особенно учитывая, что мужчина был одет в спортивный костюм и выглядел разгоряченным и вспотевшим, несмотря на холод и дождь. Рядом с ним она почувствовала себя еще более неопытной, чем пятью секундами ранее.

Но Норе было одиноко. Хотя она изучала экзистенциальную философию и знала, что одиночество – фундаментальное условие бытия человека в бессмысленной, по сути, вселенной, ей было приятно его видеть.

– Эш, – сказала она, улыбаясь. – Тебя ведь зовут Эш, верно?

– Да. Точно.

– Что ты тут делаешь? Рада тебя видеть.

Несколько недель назад она сидела тут и играла на электропиано, а он бежал по Бэнкрофт-авеню, увидел ее в окне дома 33А и помахал ей рукой. Однажды – много лет назад – он звал ее выпить кофе. Может, он собирался повторить приглашение?

– Я тоже рад тебя видеть, – сказал он, но его напряженный лоб никак этого не подтверждал.

Когда она заговаривала с ним в магазине, он все-гда отвечал беззаботно, но сейчас в его голосе слышалась тяжесть. Он почесал бровь. Издал еще какой-то звук, но не смог произнести слово целиком.

– Бегаешь? – бессмысленный вопрос.

Очевидно же, что он с пробежки. Но ему явно тут же стало легче, когда разговор зашел о чем-то обыденном.

– Да. Бегу бедфордский полумарафон. Он в это воскресенье.

– О, точно. Здорово. Я тоже собиралась на полумарафон, но потом вспомнила, что ненавижу бегать.

В ее голове это звучало смешнее, чем тогда, когда она произнесла фразу вслух. Она не то чтобы ненавидела бег, но все же ей было тревожно видеть знакомого таким серьезным. Молчание перестало быть неловким и обрело новое качество.

– Ты говорила, у тебя есть кот, – сказал он наконец.

– Да. У меня есть кот.

– Я помню, как его зовут. Вольтер. Рыжий полосатый?

² Игра слов (англ.): ECO-WORRIER как «экоосознательный» является отсылкой к созвучному ECO-WARRIOR как «эко-воин». – Примеч. ред.

– Да. Я зову его Вольтом. Он считает, что Вольтер – слишком пафосное имя. Оказалось, он не любит французскую философию и литературу восемнадцатого века. Весьма приземленный тип. Ну, знаешь. Для кота.

Эш опустил взгляд на ее тапки.

– Боюсь, он умер.

– Что?

– Он неподвижно лежит на обочине. Я рассмотрел имя на ошейнике, похоже, его сбила машина. Сочувствую, Нора.

Она так испугалась своей внезапной смены чувств, что продолжила улыбаться, словно улыбка могла удержать ее в мире, в котором она до сих пор пребывала: где Вольт жив, а мужчина, которому она продавала гитарные песенники, позвонил в ее дверь по другой причине.

Эш, вспомнила она, хирург. Не ветеринар, человеческий. Если он сказал, что кто-то мертв, скорее всего, так и есть.

– Мне очень жаль.

На Нору накатило знакомое ощущение горя. Только сертралин³ помешал ей заплакать.

– О боже.

Едва дыша, она вышла на мокрую брусчатку Бэнкрофт-авеню и увидела несчастное рыжее существо, лежащее у бордюра на блестящем от дождя асфальте. Его голова касалась тротуара, а лапы раскинулись, словно в среднем галопе, в погоне за воображаемой птицей.

– О, Вольт. О нет. О боже.

Она знала, что должна испытывать сожаление и отчаяние из-за смерти своего друга-кота – так и было, – но она вынуждена была признать еще кое-что. Пока Нора смотрела на тихое, мирное выражение морды Вольтера – полное отсутствие боли, – во тьме зрело неотвратимое чувство.

Зависть.

³ Сертралин – селективный ингибитор обратного захвата серотонина, антидепрессант. – *Примеч. ред.*

Теория струн

За девять с половиной часов до того, как Нора решила умереть, она опоздала на свою вечернюю смену в «Теорию струн».

– Извини, – сказала она Нилу в неряшливой комнатухе без окон, служившей ему кабинетом. – У меня кот умер. Вчера вечером. Нужно было его похоронить. Ну, вообще-то мне помогли. Но потом я осталась одна в квартире и долго не могла заснуть, и забыла поставить будильник, и проснулась только в середине дня, так что пришлось спешить.

Все это было правдой, и она воображала, что ее внешний вид – лицо без макияжа, небрежный хвостик и зеленое вельветовое платье-сарафан из секонд-хенда, которое она носила на работу всю неделю, – вместе с общим настроением усталого отчаяния ее прикроет.

Нил оторвался от компьютера и откинулся в кресле. Сцепил руки и поднял вверх большие пальцы, подставив их под подбородок, словно был Конфуцием, размышляющим над глубокой философской истиной о вселенной, а не хозяином магазинчика музыкальных инструментов, разбирающимся с опоздавшей сотрудницей. За его спиной висел огромный постер Fleetwood Mac⁴, правый верхний угол которого отклеился и загнулся, как щенячье ухо.

– Послушай, Нора, ты мне нравишься, – Нил был безобидным. Пятьдесят с чем-то лет за плечами, страстный поклонник гитарной музыки, он любил несмешные шутки и сносно играл в магазине старые песни Дилана⁵. – И я знаю, что у тебя проблемы с психикой.

– У всех проблемы с психикой.

– Ты понимаешь, о чем я.

– Мне уже гораздо лучше, в целом, – соврала она. – Это неклиническое. Врач говорит, это ситуационная депрессия. Просто происходят новые... ситуации. Но я же не беру больничный из-за этого. Только когда моя мама... Да. Только в тот раз.

Нил вздохнул. Когда он это делал, из носа у него раздавался свист. Зловещий си-бемоль.

– Нора, как давно ты тут работаешь?

– Двенадцать лет и... – она слишком хорошо это знала. – Одиннадцать месяцев и три дня. Нерегулярно.

– Это долго. Мне кажется, ты создана для большего. Тебе уже под сорок.

– Мне тридцать пять.

– Ты на многое способна. Ты учишь людей играть на пианино...

– Одного человека.

Он смахнул крошку со свитера.

– Ты действительно представляла себе, как застрянешь в родном городе, работая в магазине? Ну, когда тебе было четырнадцать? Ты мечтала об этом?

– В четырнадцать? Я была пловчихой, – она была самой быстрой четырнадцатилетней девочкой в стране по брассу и второй – вольным стилем.

Она вспомнила, как стояла на пьедестале почета на Национальном чемпионате по плаванию.

– И что случилось?

Она выдала короткую версию:

– Слишком много трудностей.

– Трудности нас формируют. Начинаешь уг-лем, а под давлением становишься алмазом.

⁴ Британо-американская рок-группа, создана в 1967 г. – *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

⁵ Дилан, Боб (род. 1941) – американский автор-исполнитель, писатель, актер, ставший знаменитым в 1960-х гг. как «певец протеста».

Она не стала его исправлять. Не сказала, что, хотя и уголь, и алмаз – разные формы углерода, в угле слишком много примесей, чтобы стать алмазом, как на него ни дави. По науке, ты начинаешь углем и углем заканчиваешь. Может, в этом и заключался урок настоящей жизни.

Она пригладила непослушную прядь своих угольно-черных волос.

– К чему ты это, Нил?

– Никогда не поздно исполнить мечту.

– Уверена, что эту – уже слишком поздно.

– Ты очень образованный человек, Нора. Ты закончила философский...

Нора устала на родинку на своей левой руке. Эта родинка была с ней во всех передрягах. И оставалась на месте, что бы ни случилось. Просто родинка.

– Не слишком-то велик спрос на философов в Бедфорде, если честно, Нил.

– Ты училась в университете, год жила в Лондоне, а затем вернулась.

– Выбора особенно не было.

Нора не хотела говорить о своей покойной маме. Или даже о Дэне. Ведь Нил считал, будто тот факт, что Нора отменила свадьбу за два дня до торжества, делал ее историю любви самой захватывающей со времен Курта и Кортни⁶.

– У всех есть выбор, Нора. Есть такая штука, как свобода воли.

– Ну, ее нет, если придерживаться детерминистского взгляда на вселенную.

– Но почему ты *здесь*?

– Либо здесь, либо в приюте для животных. Тут платят больше. К тому же музыка, сам понимаешь.

– Ты играла в группе. С братом.

– Играла. Мы назывались «Лабиринты». И никуда не двигались.

– Твой брат говорит иначе.

Это удивило Нору.

– Джо? Откуда ты...

– Он купил усилитель. Marshall DSL.

– Когда?

– В пятницу.

– Он был в Бедфорде?

– Или это была голограмма. Как Тупак⁷.

«Наверно, навещал Рави», – подумала Нора. Рави был лучшим другом ее брата. Джо забросил гитару и переехал в Лондон ради дурацкой работы айтишником, которую он ненавидел, а Рави застрял в Бедфорде. Он играл в кавер-группе Slaughterhouse Four⁸, подвизаясь в пабах города.

– Ясно. Любопытненько.

Нора была уверена, что брат знал: пятница – ее выходной. От этого больно кольнуло внутри.

– Я здесь счастлива.

– Ничего подобного.

Он был прав. Внутри нее зрела душевная тошнота. Разум выворачивало наизнанку. Она улыбнулась еще шире.

⁶ Кобейн, Курт (1967–1994) – американский певец, лидер рок-группы Nirvana. Лав, Кортни (род. 1964) – американская актриса, певица, вокалистка и гитаристка рок-группы Hole, жена Курта Кобейна.

⁷ Шакур, Тупак Амару (1971–1996) – хип-хоп исполнитель. В 2012 г. рэпер Snoop Dogg (Келвин Кордозар Бродус – младший; род. 1971) использовал его голографическое изображение в своем выступлении на Coachella Valley Music and Arts Festival (Фестивале музыки и искусств в долине Коачелла).

⁸ Малоизвестная американская рок-группа, выпустившая один альбом в 1984 г., название переводится как «Бойня номер четыре». Аллюзия на роман «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» (1969) Курта Воннегута (1922–2007).

– В смысле, мне нравится работа. То есть я всем довольна. Нил, мне нужна эта работа.

– Ты хороший человек. Ты беспокоишься о мире. О бездомных, об экологии.

– Мне нужна работа.

Он вернулся в позу Конфуция.

– Тебе нужна свобода.

– Я не хочу свободы.

– Здесь не благотворительная организация. Хотя, должен признать, магазин быстро становится таковой.

– Слушай, Нил, все из-за того, что я сказала на прошлой неделе? Что тебе нужно идти в ногу со временем? У меня есть идеи, как привлечь молодежь...

– Нет, – ответил он обиженно. – Здесь продаются только гитары. «Теория струн», понимаешь? Я разнообразил ассортимент. Все работало. Но когда дела не идут в гору, я не могу платить тебе за то, чтобы ты отваживала покупателей таким выражением лица, будто на дворе вечная непогода.

– Что?

– К сожалению, Нора, – он замолчал ненадолго, и этого времени хватило бы, чтобы занести над головой топор, – мне придется тебя отпустить.

Жить – значит страдать

За девять часов до того, как Нора решила умереть, она бесцельно бродила по Бедфорду. Город был конвейером отчаяния. Выложенный галькой спортивный центр, где когда-то еще живой отец смотрел, как она переплывает бассейн, мексиканский ресторан, куда она водила Дэна есть фахитос⁹, больница, где лечилась мама.

Дэн ей вчера написал.

«Нора, я скучаю по твоему голосу. Мы можем поговорить? Обнимаю, Д.»

Она ответила, что *безумно занята* (два раза «ха»). И все же было невозможно ответить что-либо еще. Не потому, что она ничего к нему не чувствовала, как раз наоборот. Она не могла позволить себе вновь причинить ему боль. Она разрушила его жизнь. *«Моя жизнь – хаос»*, – писал он ей в пьяном угаре вскоре после отмененной ею за два дня до торжества свадьбы.

Вселенная стремится к хаосу и энтропии. Это закон термодинамики. Может, это и основа существования.

Теряешь работу, потом случается еще какая-то дрянь.

В деревьях шептал ветер.

Начался дождь.

Она направилась к газетному киоску с глубоким – и, как выяснилось, *верным* – предчувствием, что дальше будет только хуже.

⁹ *Фахитос* – популярное мексиканское блюдо из мяса и овощей. – *Примеч. ред.*

Двери

За восемь часов до того, как Нора решила умереть, она вошла в газетный киоск.

– Прячетесь от дождя? – спросила женщина за прилавком.

– Да, – Нора не подняла головы.

Отчаяние росло в ней, его бремя она уже не могла выносить.

На полке стоял National Geographic. Она уставилась на обложку журнала – изображение черной дыры – и поняла, что сама была ею. Черной дырой. Умиравшей звездой, сжимающейся до полного исчезновения.

Папа выписывал этот журнал. Она помнила, как ее заворожил статья про Шпицберген, норвежский архипелаг в Северном Ледовитом океане. Нора никогда прежде не видела места, которое выглядело бы *таким далеким*. Она прочитала про ученых, исследовавших ледники, замерзшие фьорды и смешных птиц – тупиков. Затем, подзуживаемая миссис Элм, она решила, что хочет стать гляциологом.

Нора заметила неряшливую сгорбленную фигуру друга своего брата и участника их группы Рави возле музыкальных журналов – он был погружен в чтение статьи. Она стояла там чуть дольше положенного, поэтому, уже уходя, услышала, как он сказал:

– Нора?

– Рави, привет. Я слышала, Джо вчера был в Бедфорде?

Небольшой кивок.

– Да.

– И он, э-э-э... и ты его видел?

– Вообще-то да.

Молчание, отозвавшееся в Норе болью.

– Он не предупредил меня, что приедет.

– Просто проезжал мимо.

– Как он?

Рави замолчал. Когда-то он нравился Норе и был верным другом ее брату. Но, как и с Джо, между ними ощущался холодок. Они расстались не лучшим образом. (Он бросил на пол барабанные палочки во время репетиции и ушел, когда Нора сказала ему, что покидает группу.)

– Думаю, у него депрессия.

Норе стало еще тяжелей на душе от мысли, что ее брату так же плохо, как и ей.

– Он не в себе, – продолжил Рави с яростью в голосе. – Собирается съехать из своей коробки в Шепердс-Буш. А все из-за того, что не может быть первым гитаристом в успешной рок-группе. Напомню, у меня тоже нет денег. Вечера в пабах не сильно окупаются. Даже если соглашаешься мыть туалеты. Ты когда-нибудь мыла туалеты в пабе, Нора?

– У меня сейчас тоже дерьмовый период, если мы играем в олимпиаду по несчастьям.

Рави засмеялся и закашлялся. Его лицо сразу обрело резкость.

– Какая жалость, какая жалость. Сыграю тебе печальную мелодию.

Она была не в духе.

– Это из-за «Лабиринтов»? Не забыл?

– Для меня они много значили. И для твоего брата. Для всех нас. У нас был контракт с Universal. Прямо. В наших. Руках. Альбом, синглы, тур, промо. Мы могли быть сейчас как Coldplay¹⁰.

¹⁰ Британская рок-группа, основанная в 1996 г., успеха добилась после второго сингла Yellow – в 2000 г. и выступает до сих пор.

- Ты ненавидишь Coldplay.
- Не в этом дело. Мы могли жить в Малибу. А вместо этого – *Бедфорд*. Так что нет, твой брат не готов тебя видеть.
- У меня были *панические атаки*. Я бы все равно в итоге всех подвела. Я сказала компании, чтобы они взяли вас без меня. Я соглашалась писать песни. Я не виновата, что была обручена. Я была с Дэном. Мне пришлось выбирать.
- Ну конечно. И как у вас все сложилось?
- Рави, это нечестно.
- Нечестно. Слово-то какое.
- Женщина за прилавком разинула рот от любопытства.
- Группы не живут долго. Мы стали бы метеоритным дождем. Закончились бы, едва начавшись.
- Метеоритные дожди чертовски красивы.
- Брось. Ты ведь еще с Эллой, верно?
- Я мог быть с Эллой и играть в успешной группе, с *деньгами*. У нас был этот шанс. Прямо *тут*, – он указал на свою раскрытую ладонь. – У нас песни были *огонь*.
- Нора ненавидела себя за то, что поправила про себя «у нас» на «у меня».
- Не думаю, что ты боялась сцены. Или свадьбы. Думаю, твоя проблема в том, что ты *боишься жизни*.
- Это было больно. Слова выбили из нее воздух.
- А я думаю, что *твоя* проблема, – парировала она дрожащим голосом, – в том, что ты винишь других за свою паршивую жизнь.
- Он кивнул, словно ему дали пощечину. Вернул журнал на полку.
- Еще увидимся, Нора.
- Передавай Джо привет от меня, – сказала она, когда он выходил из магазина под дождь. – Пожалуйста.
- Она мельком увидела обложку журнала *Your Cat*¹¹. Рыжий полосатый. В голове звенело так, будто в ней звучала симфония «Бури и натиска»¹², словно призрачный немецкий композитор, запертый в ее черепе, заклинал хаос и страсть.
- Женщина за прилавком сказала что-то, но она не расслышала.
- Извините?
- Ты Нора Сид?
- Женщина – блондинка с короткой стрижкой, темный загар – выглядела счастливой, легкоймысленной и расслабленной настолько, насколько Норе уже было недоступно. Облокотившись на прилавок, она рассматривала Нору как лемуру в зоопарке.
- Да.
- Я Кэрри-Энн. Помню тебя со школы. Пловчиха. Супермозг. Однажды... как его там, мистер Блэндфорд, собирал нас всех по твоему случаю. Сказал, что ты поедешь на Олимпиаду.
- Нора кивнула.
- Поехала?
- Я, гм, это забросила. Мне больше нравилась музыка... в то время. А потом началась жизнь.
- И чем ты теперь занимаешься?
- Я... на перепутье.
- У тебя есть кто-нибудь? Парень? Дети?

¹¹ «Ваш кот» (англ.).

¹² Имеются в виду симфонии «Бури и натиска» Йозефа Гайдна (1732–1809), проникнутые духом одноименного литературного движения 1767–1785 гг. (представители – Й. В. Гёте, Ф. Шиллер и др.), которое ставило во главу угла предельную эмоциональность и индивидуализм.

Нора покачала головой. Мечтая, что она отвалится. Ее собственная голова. Прямо на пол. Чтобы больше никогда не разговаривать с незнакомцами.

– Ну, не откладывай. Часики-то тикают.

– Мне *тридцать пять*, – вот бы Иззи была рядом, Иззи никогда не мирилась с таким дерьмом. – И я не уверена, что хочу...

– Мы с Джейком вели себя как кролики, но тоже к этому пришли. Два маленьких террориста у нас. Но оно того стоит, знаешь? Я чувствую себя *полноценной*. Могу показать фотки.

– У меня голова болит от... телефонов.

Дэн хотел детей. А Нора не очень. Ее ужасало материнство. Она боялась усиления депрессии. Ей не удавалось даже за собой уследить, не говоря о ком-то другом.

– Значит, все еще в Бедфорде?

– Угу.

– Я думала, уж ты-то улизнешь.

– Я вернулась. У меня мама болела.

– О, жаль это слышать. Надеюсь, ей уже лучше?

– Я, пожалуй, пойду.

– Но дождь еще не закончился.

Когда Нора сбегала из магазинчика, она представляла себе, что впереди только череда дверей и она проходит сквозь них, одну за другой, оставляя все позади.

Как быть черной дырой

За семь часов до того, как Нора решила умереть, она пребывала в свободном падении и ей не с кем было поговорить.

Ее последней надеждой оставалась бывшая лучшая подруга Иззи, которая находилась в пятнадцати тысячах километров от нее, в Австралии. И былая связь сошла на нет.

Она взяла телефон и написала Иззи сообщение.

Привет, Иззи, давно не болтали. Скучаю, подруга. Было бы ЧУДЕСНО узнать, как ты. Целую.

Добавила еще «обнимаю» и отправила.

Спустя минуту Иззи увидела сообщение. Нора тщетно ждала, когда появятся три точки.

Она миновала кинотеатр, где показывали фильм с Райаном Бейли. Слащавую ковбойскую романтическую комедию «Салун “Последний шанс”».

Лицо Райана Бейли всегда изображало знание *глубокого и значительного*. Нора полюбила его, когда увидела в роли Платона в «Афинянах» по телевизору, тогда же он сказал в интервью, что изучал философию. Она воображала, как они ведут глубокие беседы о Генри Дэвиде Торо¹³ в облаках пара в джакузи где-то в Западном Голливуде.

«Смело шагай к своей мечте, – говорил Торо. – Живи той жизнью, которую она тебе подсказывает»¹⁴.

Торо был ее любимым философом. Но кто всерьез смело шагает к своей мечте? Ну, помимо Торо. Он ушел жить в лесу, не общался с внешним миром и просто сидел там, писал, рубил дрова и рыбачил. Но жизнь, возможно, была проще два столетия назад в Конкорде, штат Массачусетс, чем современная жизнь в Бедфорде, графство Бедфордшир.

А может, и нет.

Может, она просто не справлялась. С жизнью.

Прошло несколько часов. Она хотела иметь цель, какую-то причину для существования. Но не находила ничего. Ни малейшей причины, чтобы продолжить забирать таблетки из аптеки для мистера Бэннерджи, как делала буквально два дня назад. Она пыталась дать бездомному денег, но поняла, что у нее их нет.

«Не печалься, милочка, может, это никогда не случится», – так ведь говорят.

«Ничего никогда и не случается», – подумала она про себя. – В этом-то и дело».

¹³ Торо, Генри Дэвид (1817–1862) – американский писатель, философ, натуралист и поэт, представитель трансцендентализма.

¹⁴ Торо Г. Д. Уолден, или Жизнь в лесу. [1854] / Пер. З. Е. Александровой. М.: Наука, 1979.

Антиматерия

За пять часов до решения умереть, когда она уже шла домой, в руке завибрировал телефон.

Может, это Иззи. Может, Рави сказал ее брату связаться с ней.

Нет.

– О, привет, Дорин.

Возбужденный голос:

– Ты где *была*?

Она совершенно забыла. *Который сейчас час?*

– У меня был ужасный день. Мне очень жаль.

– Мы ждали возле твоей квартиры целый час.

– Я могу позаниматься с Лео, когда вернусь. Буду через пять минут.

– Слишком поздно. Отец забрал его на три дня.

– О, сожалею. Мне очень жаль.

Извинения лились из нее водопадом. Она топила в них себя.

– Если честно, Нора, он все равно собирался оставить занятия.

– Но он делает успехи.

– Ему очень нравилось. Но он слишком занят. Экзамены, друзья, футбол. От чего-то нужно отказаться.

– У него настоящий талант. Я пристрастила его к чертову Шопену. Прошу...

Глубокий-глубокий вздох.

– Прощай, Нора.

Нора вообразила, как земля разверзлась под ней, и она полетела сквозь литосферу, потом мантию, и остановилась, только когда достигла ядра – жесткого, равнодушного железа.



За четыре часа до своего решения умереть Нора столкнулась с пожилым соседом, мистером Бэнер-джи.

Мистеру Бэнерджи восемьдесят четыре года. Он хрупкий, но после операции на тазобедренном суставе хотя бы более подвижный.

– Снаружи ужасно, верно?

– Да, – пробормотала Нора.

Он посмотрел на свою клумбу.

– Ирисы, правда, расцвели.

Нора взглянула на фиолетовые цветы, выдавила из себя улыбку, гадая, какое утешение они могут дать.

Его глаза за очками смотрели устало. Он стоял у своей двери, перебирая ключи. Бутылка молока в пластиковом пакете казалась слишком тяжелой для него. Увидеть его вне дома было редкостью. Того дома, который она посещала в первый месяц жизни здесь, чтобы помочь ему настроить онлайн-покупки.

– О, – сказал он вдруг. – У меня хорошая новость. Тебе больше не нужно забирать из аптеки мои лекарства. Помощник аптекаря теперь живет поблизости и обещал их мне заново.

Нора попыталась ответить, но не могла выжать из себя ни слова. Вместо этого она кивнула.

Он справился с дверью, закрыл ее и спрятался в своем святилище, полном воспоминаний о дорогой покойной жене.

Вот и все. Никому она не нужна. Она лишняя во вселенной.

Внутри ее квартиры тишина была оглушительнее любого шума. Запах кошачьей еды. В миске Вольтера корм съеден лишь наполовину.

Она налила себе воды, проглотила две таблетки антидепрессанта и уставилась на остальные пилюли, раздумывая.

За три часа до решения умереть все ее тело болело от сожалений, словно отчаяние из головы распространилось каким-то образом в туловище и конечности. Словно оно заполнило каждую ее клетку.

Норе подумалось, что всем без нее лучше. Ты приближаешься к черной дыре, и гравитационные силы засасывают тебя в унылую, мрачную реальность.

Эта мысль билась нескончаемой судорогой – слишком неприятной, чтобы ее терпеть, и все же слишком сильной, чтобы ее игнорировать.

Нора проверила социальные сети. Ни сообщений, ни комментариев, ни новых подписчиков, ни запросов в друзья. Она была антиматерией, вдобавок наполненной жалостью к себе.

Она открыла Instagram и увидела, что все ухитрились придумать, как жить, – все, кроме нее. Написала бессвязный пост на Facebook, которым уже даже и не пользовалась.

За два часа до решения умереть Нора открыла бутылку вина.

Учебники по философии смотрели на нее свысока – призрачные декорации из университетских дней, когда жизнь еще была полна возможностей. Пальма юкка и три маленьких, приземистых кактуса в горшках. Она вообразила, что быть не осознающей себя формой жизни – торчать в горшке весь день, – пожалуй, менее обременительное существование.

Она уселась за маленькое электропиано, но не стала ничего играть. Представила, как Лео сидит рядом, а она разучивает с ним Прелюдию ми минор Шопена. Со временем счастливые мгновения тоже могут превратиться в боль.

Старое музыкальное клише: у пианино нет неправильных нот¹⁵. Но ее жизнь была какофонией бессмыслицы. Она могла развиваться в разных удивительных направлениях, а в итоге ни к чему не пришла.

Время ускользало. Она смотрела в пустоту.

После вина осознание ударило Нору с полной ясностью. Она не была создана для этой жизни.

Каждый ее шаг был ошибкой, каждое решение – катастрофой, каждый день – бегством от того, какое будущее она себе воображала.

Пловчиха. Музыкант. Философ. Супруга. Путешественница. *Гляциолог*. Счастливая. Любимая.

Ничто.

Она не смогла быть даже «хозяйкой кота». Или «учительницей музыки один час в неделю». Или «человеком, способным к беседе».

Таблетки не действовали.

Нора допила вино. До доньшка.

– Я скучаю по тебе, – сказала она в пустоту, словно призраки всех людей, которых она любила, находились с ней в этой комнате.

Она позвонила брату и оставила голосовое сообщение, так как он не снял трубку.

– Я люблю тебя, Джо. Просто хотела, чтобы ты знал. Ты ничего не мог сделать. Все дело во мне. Спасибо, что ты мой брат. Люблю тебя. Пока.

¹⁵ Фраза приписывается Телониусу Монку (1917–1982), джазовому пианисту и композитору.

Снова зарядил дождь, и она села у окна с открытыми жалюзи наблюдать за каплями на стекле.

Она знала с абсолютной уверенностью только одно: встречать следующий день совсем не хотелось. Она встала. Нашла ручку и клочок бумаги.

И решила, что сейчас самое время умереть.

Тем, кто меня найдет.

*У меня были все шансы стать кем-то в этой жизни, и я их упустила.
Из-за моей беспечности и неудачливости мир бросил меня, поэтому вполне разумно, что и я должна уйти из этого мира.*

Если бы я думала, что могу остаться, я осталась бы. Но нет. Так что я не могу. Я делаю жизнь других людей хуже.

Мне нечего дать им. Мне жаль.

Будьте добры друг к другу.

Прощайте,

Нора

00:00:00

Сначала туман был такой плотный, что, кроме него, ничего было не разглядеть, но постепенно она различила столбы по обе стороны от себя. Она стояла на дороге, у какой-то колоннады. Колонны были серыми, как вещество мозга, с блестящими голубыми вкраплениями. Туман рассеялся, как призрак, который предпочел остаться невидимым, и на его месте проявились очертания.

Чего-то массивного, прямоугольного.

Это было здание. Размером примерно с церковь или небольшой супермаркет. У него был каменный фасад того же цвета, что и колонны, большая деревянная дверь по центру и крыша с намеком на монументальность, с замысловатыми украшениями и величественными часами на фронте; на часах красовались черные римские цифры, а стрелки показывали полночь. Высокие темные арочные окна, обрамленные каменной кладкой, украшали переднюю стену, располагаясь на равном расстоянии друг от друга. Сначала Норе показалось, что в здании всего четыре окна, но мгновение спустя их уже было пять. Она решила, что ошиблась в счете.

Вокруг ничего больше не было, и Нора больше некуда было идти, так что она осторожно шагнула вперед.

Она взглянула на дисплей своих электронных часов.

00:00:00

Полночь, как и утверждали настенные часы.

Она подождала следующей секунды, но та не настала. Даже когда она подошла ближе к зданию, открыла деревянную дверь, шагнула внутрь, цифры на экране не изменились. Либо ее часы сломались, либо что-то не так со временем. Учитывая обстоятельства, могло быть и то, и другое.

«Что происходит? – гадала она. – Какого черта тут творится?»

«Может, в этом месте найдутся ответы», – подумала Нора, входя внутрь. Здание было хорошо освещено, а пол выложен светлым камнем – от бледно-желтого до верблюжье-коричневого, цвета состарившейся страницы, – но окон, которые она видела снаружи, внутри не было. Вообще-то, хотя Нора сделала всего несколько шагов вперед, она уже вовсе не видела самих стен. Вместо них были книжные полки. Множество стеллажей, достающих до потолка, и проходы между ними ветвились от широкого коридора, по которому шла Нора. Она свернула в один проход и в замешательстве остановилась посмотреть на книги, которых, казалось, было не счесть.

Книги занимали все полки – тонкие, едва различимые. Все книги были зелеными. Разных оттенков зеленого. Некоторые тома – мутно-болотные, другие – ярко- и бледно-желто-зеленые, какие-то – дерзко-изумрудные, а остальные – цвета молодой зелени летних газонов.

Кстати, о летних газонах: хотя книги выглядели старыми, воздух в библиотеке был свежим. В нем стоял густой аромат травы и парков, а не пыльный запах древних страниц.

Полки будто бы и впрямь простирались в бесконечность, уходя далеко за горизонт, как линии, показывающие одноточечную перспективу в школьном проекте по искусству, прерываемые лишь случайным коридором.

Она выбрала один коридор наугад и пошла вперед. На следующем повороте свернула налево и потерялась. Поискала выход, но никаких знаков не увидела. Попробовала вернуться туда, откуда вошла, ко входу, но это оказалось невозможно.

Наконец, ей пришлось признать, что выхода она не найдет.

«Это ненормально, – сказала она себе, чтобы успокоиться от звука своего голоса. – Определенно ненормально».

Нора остановилась и подошла ближе к книгам.

На корешках не значилось ни названий, ни авторов. Помимо разных оттенков, единственным, что отличало книги, был размер: книги были примерно одной высоты, но разной толщины. Некоторые – сантиметров в пять, другие – значительно тоньше. Одна-две были не толще брошюры.

Нора потянулась, чтобы вытащить одну из книг, выбрав среднюю по толщине, тускло-оливкового цвета. Она выглядела пыльной и потрепанной.

Но, не успев взять ее с полки, услышала голос за спиной и отпрянула.

– Осторожнее, – сказал он.

И Нора обернулась посмотреть, кто это.

Библиотекарша

– Прошу. Тебе нужно соблюдать осторожность.

Женщина появилась словно из ниоткуда. Элегантно одетая, в желто-зеленой водолазке, с короткими седыми волосами. Лет шестидесяти, по прикидке Норы.

– Кто вы?

Но, уже задавая вопрос, она поняла, что знает ответ.

– Я библиотекарь, – ответила женщина скромно. – Вот кто.

Ее лицо излучало добрую, но суровую мудрость. У нее были те же аккуратно подстриженные седые волосы, а лицо выглядело в точности так, как Нора его помнила.

Прямо перед ней стояла ее старая школьная библиотекарьша.

– Миссис Элм.

Миссис Элм слегка улыбнулась.

– Возможно.

Нора помнила те дождливые дни и игру в шахматы.

Она помнила день, когда умер ее отец, а миссис Элм мягко сообщила ей эту новость в библиотеке. Отец скончался внезапно, от инфаркта, играя в регби с мальчишками из школы-интерната, в которой преподавал. Она оцепенела где-то на полчаса и только тупо смотрела на незаконченную шахматную партию. Сначала реальность была слишком велика, чтобы ее осмыслить, но затем Нора ощутила удар, и ее отбросило вбок со знакомой дороги. Она крепко вцепилась в миссис Элм и плакала в ее водолазку, пока лицо не покраснело от слез и акриловой пряжи.

Миссис Элм обнимала ее, придерживая и поглаживая ее затылок, словно Нора была младенцем, – не говоря банальностей или ложных утешений, не проявляя ничего, кроме заботы. Нора помнила голос миссис Элм: «Все наладится, Нора. Все будет хорошо».

Это было за час до того, как мать Норы приехала ее забрать с братом на заднем сиденье – тот уже обкурился до бесчувствия. И Нора села на переднее, рядом с молчаливой, дрожащей матерью, сказала, что любит ее, но ничего не услышала в ответ.

– Что это за место? Где я?

Миссис Элм ответила с весьма церемонной улыбкой:

– В библиотеке, разумеется.

– Это не школьная библиотека. И тут нет выхода. Я умерла? Это загробная жизнь?

– Не совсем, – ответила миссис Элм.

– Не понимаю.

– Тогда позволь мне объяснить.

Полночная библиотека

Когда миссис Элм заговорила, ее глаза ожили и заблестели, как лужи в свете луны.

– Между жизнью и смертью есть библиотека, – сказала она. – И в этой библиотеке полки тянутся бесконечно. Каждая книга дает шанс попробовать другую жизнь, которую ты могла бы прожить. Увидеть, как все обернулось бы, принимай ты другие решения... Ты изменила бы что-то, будь у тебя возможность исправить то, о чем сожалеешь?

– Так я умерла? – спросила Нора.

Миссис Элм покачала головой.

– Нет. Слушай внимательно. *Между* жизнью и смертью, – она сделала неопределенный жест вдоль стеллажей, в пространство. – Смерть снаружи.

– Значит, мне туда. Я хочу умереть, – и Нора пошла.

Но миссис Элм покачала головой.

– Смерть работает не так.

– Почему нет?

– К смерти не идут. Смерть сама приходит.

Даже умереть как следует Нора не может, вот что получается.

Такое знакомое чувство. Чувство неполноты во всех смыслах. Незаконченная головоломка в человеческом обличье. Неполнота жизни и неполнота смерти.

– Так почему я не умерла? Почему смерть ко мне не пришла? Я прямо ее пригласила. Я хотела умереть. А я тут, все еще существую. По-прежнему все осознаю.

– Ну, если тебе от этого легче, весьма вероятно, что ты *скоро* умрешь. Люди, которые попадают в библиотеку, обычно долго не задерживаются, так или иначе.

Когда Нора думала об этом – а думала она об этом все больше, – ей удавалось осмыслить себя лишь в контексте того, кем она не была. Кем не смогла стать. А она не стала очень многим. Сожаления крутились в ее голове, как запись на повторе. *Я не стала олимпийской пловчихой. Не стала гляциологом. Не стала женой Дэна. Не стала матерью. Не стала солисткой «Лабиринтов». Не смогла стать хорошим или по-настоящему счастливым человеком. Не смогла уследить за Вольтером.* А теперь, в конце концов, она не смогла даже умереть. Это выглядело поистине жалко: сколько возможностей растрчено впустую.

– Пока стоит Полночная библиотека, Нора, ты будешь защищена от смерти. А теперь тебе надо решить, как ты хочешь жить.

Движущиеся полки

Полки по обе стороны от Норы пришли в движение. Они не меняли углы, просто скользили в горизонтальном направлении. А может, полки и вовсе не двигались, а двигались книги, но было непонятно, почему это происходит или даже *как*. Не было видно механизма, с помощью которого это происходило, не слышалось ни звука, ни один том не свалился с полки. Книги двигались с разной скоростью, в зависимости от того, на какой полке находились, но ни одна не перемещалась быстро.

– Что происходит?

Лицо миссис Элм напряглось, женщина выпрямилась, подбородок чуть вдался в шею. Она шагнула к Норе и крепко сжала свои руки.

– Пора, милая, начать.

– Если не возражаете, я спрошу: начать *что*?

– Каждая жизнь содержит миллионы решений. Больших и малых. Но всякий раз, когда принимается одно решение вместо другого, результат будет другим. Происходит необратимое, что, в свою очередь, приводит к другим изменениям. Эти книги – порталы во все жизни, которые ты могла бы прожить.

– Что?

– У тебя столько жизней, сколько возможностей. Есть жизни, в которых ты выбирала иначе. Каждый такой выбор приводит к иным результатам. Если бы ты хотя бы раз поступила не так, как поступила, у тебя была бы совершенно другая жизнь. Все эти жизни существуют в Полночной библиотеке. И все они так же реальны, как и жизнь теперешняя.

– Параллельные жизни?

– Не всегда параллельные. Некоторые скорее... *перпендикулярные*. Итак, хочешь прожить жизнь, которая могла бы у тебя быть? Хочешь сделать что-то иначе? Хочешь ли что-то изменить? Ты сделала что-то не так?

Это был легкий вопрос.

– Да. Абсолютно все.

Ответ, казалось, пощекотал нос библиотекаря.

Миссис Элм быстро нащупала бумажную салфетку в рукаве водолазки. Быстро поднесла к лицу и чихнула в нее.

– Будьте здоровы, – сказала Нора, глядя, как салфетка исчезла из рук библиотекаря, как только женщина закончила ею пользоваться, – какая-то странная гигиеническая магия.

– Не волнуйся. Салфетки – как жизни. Всегда есть еще, – миссис Элм вернулась к своему рассуждению. – Если поступить иначе в чем-то одном, зачастую это значит изменить *все*. Поступки нельзя менять в течение жизни, сколько бы мы ни пытались... Но ты больше *не внутри* жизни. Ты выскочила наружу. Это твоя возможность, Нора, увидеть, как все могло сложиться по-другому.

«*Это не может быть взаправду*», – подумала Нора про себя.

Миссис Элм, казалось, знала, о чем она думает.

– О, это *взаправду*, Нора Сид. Но это не вполне та реальность, как ты ее понимаешь. Если хочешь подобрать слово, это *междумирье*. Это не жизнь. Это не смерть. Это не настоящий мир в обыденном смысле. Но это и не сон. Ни то и ни другое. Короче, это Полночная библиотека.

Медленно движущиеся полки остановились. Нора заметила на одном стеллаже, справа, на высоте своих плеч, пустое пространство. На всех других стеллажах вокруг нее книги стояли, тесно прижавшись друг к дружке, но тут, на тонкой белой полке, лежала всего одна книга.

И эта книга не была зеленой, как другие. Она была серой. Серой, как камень снаружи здания, когда Нора видела его сквозь туман.

Миссис Элм взяла книгу с полки и передала Норе. На ее лице отразились гордость и предвкушение, словно она вручала Норе рождественский подарок.

Миссис Элм держала книгу, будто пушинку, но на деле та оказалась очень тяжелой. Нора приготовилась открыть ее.

Миссис Элм покачала головой.

– Всегда жди, пока я разрешу.

– Почему?

– Каждая книга здесь, каждая книга во всей библиотеке – кроме одной – это версия твоей жизни. Это твоя библиотека. Она существует для тебя. Видишь ли, жизнь любого человека может развиваться в бесконечное число вариантов. Эти книги на полках – твое бытие, начиная с одной точки времени. Прямо сейчас. В полночь. Во вторник двадцать восьмого апреля. Но эти полночные возможности не одинаковы. Какие-то из них похожи, а какие-то сильно различаются.

– С ума сойти, – сказала Нора. – Кроме *одной*? Этой? – Нора наклонила каменно-серую книгу в сторону миссис Элм.

Миссис Элм подняла бровь.

– Да. Этой. Это то, что ты написала, не напечатав ни единого слова.

– Что?

– Эта книга – источник всех твоих проблем и одновременно ответ на них.

– Но что это?

– Это называется, моя дорогая, *«Книгой сожалений»*.

Книга сожалений

Нора уставилась на нее. Теперь она видела. Мелким шрифтом на обложке было выбито:

Книга сожалений

– Все, о чем ты когда-либо сожалела с момента твоего рождения, записано здесь, – сказала миссис Элм, постучав пальцем по обложке. – Теперь я разрешаю тебе открыть ее.

Поскольку книга была очень тяжелой, Нора села, скрестив ноги, на каменный пол. И начала листать.

Книга оказалась поделена на главы, хронологически организованные по годам ее жизни: 0, 1, 2, 3 – и так до 35 лет. Главы с каждым годом становились все длиннее. Но копившиеся сожаления не были связаны с годом жизни.

– Сожаления не замечают хронологию. Они просто парят. Последовательность этих списков постоянно меняется.

– Ясно, да, похоже, в этом есть смысл.

Она быстро поняла, что они варьируют от мелких и повседневных («Я жалею, что не позанималась спортом сегодня») до значительных («Я сожалею, что не сказала отцу перед смертью, как люблю его»).

Были постоянные, фоновые сожаления, которые повторялись на многих страницах. «Я жалею, что не осталась в “Лабиринтах”, потому что подвела этим брата». «Я жалею, что не осталась в “Лабиринтах”, потому что подвела этим себя». «Я сожалею, что недостаточно забочусь о природе». «Я сожалею о том времени, которое потратила на социальные сети». «Я сожалею, что не поехала в Австралию с Иззи». «Я сожалею, что мало развлекалась, когда была моложе». «Я жалею обо всех ссорах с папой». «Я жалею, что не работаю с животными». «Я жалею, что выбрала философию в университете вместо геологии». «Я жалею, что не научилась быть счастливым человеком». «Мне жаль, что я чувствую столько вины». «Я сожалею, что забросила учить испанский». «Я жалею, что не выбрала естественнонаучные предметы для выпускных экзаменов». «Я жалею, что не стала гляциологом». «Я жалею, что не вышла замуж». «Я жалею, что не поступила на магистерскую программу по философии в Кембридже». «Мне жаль, что я не слежу за своим здоровьем». «Мне жаль, что я не дописала роман, который начала сочинять в университете». «Я жалею, что уехала из Лондона». «Я жалею, что у меня бесперспективная работа». «Я жалею, что не была хорошей сестрой». «Я жалею, что не попутешествовала год после университета». «Я жалею, что разочаровала отца». «Я жалею, что учу других играть на пианино больше, чем играю сама». «Я жалею о своей финансовой несостоятельности». «Я жалею, что не живу в деревне».

Какие-то сожаления были чуть слабее других. Одно сожаление словно мерцало: то оно было почти невидимым, то проступало жирным шрифтом, когда она смотрела на него: «Я сожалею, что у меня нет детей».

– Это сожаление, которое то возникает, то пропадает, – объяснила миссис Элм, словно прочитав ее мысли. – Таких несколько.

С *тридцати четырех лет* и далее, в самой длинной главе в конце книги, было много сожалений о Дэне. Они были сильными, выделенными жирным шрифтом, и звучали в ее голове как нескончаемое фортиссимо в концерте Гайдна.

«Я сожалею, что была жестока с Дэном». «Я сожалею, что порвала с Дэном». «Я сожалею, что у нас с Дэном нет паба в деревне».

И глядя на эти страницы, она думала о человеке, за которого чуть не вышла замуж.

Избыток сожалений

Она познакомилась с Дэном, когда жила с Иззи в Тутинге¹⁶. Широкая улыбка, короткая борода. Похож на ветеринара из телевизора. Веселый, любознательный. Он прилично пил, но, казалось, был совершенно не склонен страдать от похмелья.

Он изучал историю искусства и, используя глубокое знание Рубенса и Тинторетто, стал главой пиар-отдела для бренда протеиновых батончиков. Однако у него была мечта. И этой мечтой был деревенский паб. И он мечтал разделить эту мечту с ней. С Норой.

И она увлеклась его энтузиазмом. Приняла предложение. Но внезапно поняла, что не хочет за него замуж.

В глубине души она боялась становиться матерью. Не хотела повторять брак своих родителей.

Уставившись невидящим взглядом в «*Книгу сожалений*», она гадала, действительно ли ее родители когда-то любили друг друга, или они поженились, потому что считалось правильным вступать в брак в соответствующем возрасте с ближайшим доступным человеком. Словно это такая игра, в которой ты хватал первого попавшегося, когда музыка заканчивалась.

Она никогда не хотела играть в эту игру.

Бертран Рассел писал: «Бояться любви – значит бояться жизни, и те, кто боится жизни, уже на три четверти мертвы»¹⁷. Может, в этом была ее проблема. Может, она просто боялась жить. Но у Бертрана Рассела было больше браков и интрижек, чем горячих обедов, так что, возможно, его и слушать не стоило.

Мама умерла за четыре месяца до свадьбы, и Нора горевала безмерно. Хотя она предложила перенести церемонию, этого почему-то не случилось, и горе Норы смешалось с депрессией, тревогой и ощущением, что ее жизнь вышла из-под контроля. Свадьба представлялась ей проявлением этого внутреннего хаоса, она чувствовала себя так, словно была привязана к рельсам, и единственным способом ослабить веревки и освободиться оказалась отмена бракосочетания. Хотя, в действительности, остаться в Бедфорде одинокой, подвести Иззи с планами на Австралию, начать работать в «Теории струн», завести кота – все это ощущалось как противоположность свободы.

– О нет, – сказала миссис Элм, нарушив мысли Норы. – Слишком много для тебя.

И внезапно она вновь ощутила раскаяние и боль за то, что подвела людей и себя саму, боль, которой она пыталась избежать менее часа назад. Сожаления стали сгущаться. Вообще, пока она смотрела на открытые страницы книги, боль стала еще сильнее, чем в тот день, когда она растерянно бродила по Бедфорду. Мощь всех этих сожалений, разом излучаемых книгой, терзала ее душу. Бремя вины, раскаяния и скорби было слишком сильным. Она откинулась назад, опершись на локти, бросила тяжелую книгу и зажмурилась. Она едва дышала, словно невидимые руки сжали ее шею.

– Пусть это прекратится!

– Закрой ее немедленно, – подсказала миссис Элм. – Закрой книгу. Не просто глаза. Закрой ее. Ты должна это сделать сама.

И Нора, чувствуя себя так, будто вот-вот потеряет сознание, выпрямилась и положила руку под обложку. Книга казалась еще тяжелее, но ей удалось закрыть ее – и девушка вздохнула с облегчением.

¹⁶ Тутинг – район в южной части Лондона.

¹⁷ Рассел Б. Брак и мораль [1929] / Пер. Ю. В. Дубровина. М.: АСТ, 2015.

Любая жизнь начинается сейчас

– Ну?

Миссис Элм сложила руки перед собой. Хотя она выглядела в точности так же, как миссис Элм, которую Нора всегда знала, ее манера вести себя была определенно чуть более резкой. Миссис Элм каким-то образом была не миссис Элм. Это сильно сбивало с толку.

– Что «ну»? – спросила Нора, все еще лоя ртом воздух в облегчении, что больше не чувствует всю силу своих сожалений разом.

– Какое сожаление выделяется? Какое решение ты хотела бы отменить? Какую жизнь ты хотела бы примерить?

Она так и сказала, дословно. *Примерить*. Словно это был магазин одежды и Нора могла выбрать жизнь так же легко, как футболку. Происходящее казалось жестокой игрой.

– Было мучительно. Мне казалось, я вот-вот задохнусь. Какой в этом смысл?

Взглянув вверх, Нора впервые заметила лампочки. Простые голые лампочки свисали на проводах с потолка – обычного светло-серого потолка. Только вот стен по краям потолка не было. Как и пол, он продолжался до бесконечности.

– Смысл таков: велика вероятность, что твоя прежняя жизнь закончена. Ты хотела умереть, и, возможно, ты умрешь. И тебе нужно будет куда-то идти. Где-то осесть. В другой жизни. Так что подумай хорошенько. Эта библиотека называется Полночной, потому что всякая новая жизнь, предлагаемая здесь, начинается сейчас. То есть в полночь. Все начинается в данный момент. Все варианты будущего. Вот что здесь заключено. Вот что представляют собой твои книги. Каждое непосредственное настоящее и разворачивающееся будущее, которое у тебя могло бы быть.

– Так здесь нет прошлого?

– Нет. Только его последствия. Но такие книги тоже написаны. И я знаю их все. Однако они написаны не для тебя.

– А когда заканчивается каждая жизнь?

– Возможно, через несколько секунд. Или часов. Или дней. Месяцев. А то и позже. Если ты найдешь жизнь, которую действительно захочешь прожить, ты сможешь жить в ней, пока не умрешь от старости. Если действительно сильно захочешь прожить жизнь, тебе не нужно беспокоиться. Ты останешься в ней, словно всегда там была. Потому что в одной вселенной ты была *всегда*. Книгу никогда не вернут, так сказать. Она станет не столько взятой напрокат, сколько подарком. В мгновение, когда ты решишь, что хочешь эту жизнь, по-настоящему хочешь, все существующее в твоей голове сейчас, включая Полночную библиотеку, станет столь туманным и смутным воспоминанием, что почти полностью исчезнет.

Одна из лампочек заморгала.

– Опасность грозит тебе, – продолжила миссис Элм зловеще, – только пока ты здесь. *Между жизнями*. Если ты утратишь силу духа и не сможешь продолжать, это повлияет на твою осевую жизнь – изначальную. И тогда здание может разрушиться. Ты исчезнешь навсегда. Умрешь. И потеряешь доступ ко всему этому.

– Этого я и хочу. Я хочу умереть. Я умру, потому что хочу этого. Поэтому я выпила таблетки. Я хочу умереть.

– Что ж, возможно. А может, и нет. В конце концов, ты все еще здесь.

Нора попыталась вместить это в своей голове.

– Так как мне вернуться в библиотеку? Вдруг я застряну в жизни, которая еще хуже, чем та, из которой я ушла?

– Пожалуй, это трудно уловить, но как только ты ощутишь разочарование во всей его полноте, ты вернешься сюда. Порой это чувство подкрадывается постепенно, а порой приходит

сразу. Если оно не возникнет, ты останешься там и будешь счастлива по определению. Проще и быть не может. Итак: выбирай то, что ты хотела бы сделать иначе, и я найду тебе книгу. То есть – жизнь.

Нора опустила взгляд на *«Книгу сожалений»*, которая лежала закрытой на желто-коричневой плитке пола.

Она вспомнила, как болтала поздним вечером с Дэном о его мечте – старомодном маленьком пабе в деревне. Его энтузиазм был заразителен, и она практически разделила его мечту.

– Мне жаль, что я бросила Дэна. Я хотела бы все еще быть с ним. Я сожалею, что мы не остались вместе и не воплотили ту мечту. Есть такая жизнь, в которой мы все еще вместе?

– Разумеется, – ответила миссис Элм.

Книги в библиотеке вновь пришли в движение, словно полки были конвейерной лентой. На этот раз, однако, вместо того чтобы двигаться медленно, как на свадебном марше, они летали все быстрее и быстрее, пока вовсе не перестали быть отдельными книгами. Они кружились сплошными потоками зелени.

А потом, так же внезапно, остановились.

Миссис Элм присела на корточки и взяла книгу с самой нижней полки слева. Издание темно-зеленого оттенка. Передала ее Норе. Книга оказалась гораздо легче *«Книги сожалений»*, хоть и схожего объема. На корешке опять не было названия, но на обложке обнаружилось теснение мелким шрифтом, такого же оттенка, как и вся книга.

Надпись гласила: **«Моя жизнь»**.

– Но это не моя жизнь...

– О, Нора, это все твои жизни.

– Что же мне теперь делать?

– Открой книгу и начни с первой страницы.

Нора так и сделала.

– *Так-с*, – сказала миссис Элм, осторожно чеканя слова. – А теперь читай первую строчку.

Нора уставилась вниз и прочла.

Она вышла из паба в ночную прохладу...

И Нора только успела спросить себя: «Из паба?» После этого все изменилось. Текст начал вращаться и вскоре стал неразличим в быстром водовороте, а сама она ощутила слабость. Она не отпускала книгу, но вот уже она перестала быть тем, кто ее читает, а спустя мгновение от книги – да и от библиотеки – не осталось и следа.

Три подковы

Нора стояла на улице в чистом морозном воздухе. В отличие от Бедфорда, дождя тут не было.

– Где я? – прошептала она самой себе.

С одной стороны чуть изогнутой дороги рядом располагались причудливые каменные домики, плотно прижавшиеся друг к другу. Тихие и старинные, с темными окнами, они притулились на краю деревни, утопая в тишине ночи. Ясное небо, ширь, испещренная звездами, полумесяц на убыли. Запах полей. Переключка неясней. А затем снова тишина. Тишина с эффектом присутствия, власти над этим воздухом.

Странно.

Она была в Бедфорде. Потом в той необычной библиотеке. А теперь оказалась здесь, на прелестной сельской дороге. Даже с места не сдвинувшись.

На этой стороне дороги золотистый свет лился из нижнего окна. Она посмотрела вверх и увидела изящно раскрашенную вывеску паба, мягко скрипящую на ветру. Над изображением перекрещивающихся подков было аккуратно выведено курсивом: «Три подковы».

Прямо перед ней на дорожке стояла доска. Она узнала свой почерк – самую старательную его версию:

ТРИ ПОДКОВЫ

Вечер вторника – викторина

В 8.30 вечера

«Я знаю только то, что я ничего не знаю»

Сократ (проиграв в нашей викторине!!!!)

Это была жизнь, в которой она ставила четыре восклицательных знака подряд. Возможно, так поступали более счастливые, менее зажатые люди.

Вдохновляющее предзнаменование.

Она оглядела свой наряд. Джинсовая рубашка с рукавами, закатанными до локтей, джинсы и туфли на танкетке – все это она не носила в своей настоящей жизни. От холода она покрылась гусиной кожей: эта одежда явно не предназначена для того, чтобы долго находиться на улице.

На безымянном пальце у нее красовались два кольца: старое сапфировое с помолвки – то самое, которое она сняла, дрожа и плача, больше года назад, а рядышком примостилось простое серебряное свадебное.

С ума сойти.

На руке были часы. В этой жизни – не электронные. А элегантные, изящные механические, с римскими цифрами. Они показывали минуту пополуночи.

Как это возможно?

Ее руки были в этой жизни нежнее. Может, она пользовалась кремом. Ногти блестели прозрачным лаком. Утешала знакомая родинка на левой руке.

Послышался скрип шагов по гравию. К ней кто-то приближался. Мужчина, различимый в свете окон паба и единственного фонаря. Розовощекий, с седыми диккенсовскими усами, в виниловой куртке. Просто оживший кувшин Тоби¹⁸. Судя по чрезмерно ровной походке, он был слегка пьян.

¹⁸ Керамический кувшин, выполненный в виде сидящей фигуры узнаваемой личности. Такие кувшины изготавливались примерно с XVIII в.

– Доброй ночи, Нора. Я вернусь в пятницу. Послушать фолк. Дэн сказал, исполнитель хорош.

В этой жизни она, вероятно, знала, как его зовут.

– Верно. Да, конечно. В пятницу. Будет отличный вечер.

По крайней мере, голос был, похоже, ее. Она проследила, как мужчина пересекает дорогу, смотрит налево и направо несколько раз, несмотря на полное отсутствие машин, и исчезает в переулке между домиками.

Все это действительно происходило. Это была она. Жизнь в пабе. Мечта, ставшая реальностью.

– Это так невероятно странно, – произнесла она в ночь. – Так. Невероятно. Странно.

Группа из трех человек покинула паб. Две женщины и мужчина. Проходя мимо Норы, они улыбнулись ей.

– В другой раз выиграем, – сказала одна из женщин.

– Да, – ответила Нора. – Всегда есть другой раз.

Она подошла к пабу и заглянула в окно. Похоже, он был пуст, но свет еще горел. Должно быть, это были последние посетители.

Паб выглядел очень гостеприимным. Теплым, с особым характером. Столики, деревянные балки, колесо от фургона, прибитое к стене. Темно-красный ковер и обитая деревом барная стойка, за которой виднелся впечатляющий набор пивных кранов.

Она отошла от окна и увидела знак прямо за пабом, там, где дорожка переходила в газон.

Нора торопливо приблизилась и прочла надпись.

ЛИТТЛВОРТ

приветствует осторожных водителей

Затем она заметила вверху посередине на знаке маленький герб, а вокруг него слова «Совет графства Оксфордшир».

– У нас получилось, – прошептала она, вдыхая деревенский воздух. – У нас действительно получилось.

Это была мечта, о которой Дэн впервые упомянул ей, когда они бродили по Парижу вдоль Сены, поедая макароны¹⁹, купленные на бульваре Сен-Мишель.

Мечта не о Париже, а о деревенской Англии, где они жили бы вместе.

Загородный паб в Оксфордшире.

Когда у мамы Норы рак рецидивировал в агрессивной форме, достигнув лимфатических узлов и быстро заполнив все тело, эта мечта была отложена, и Дэн переехал с ней из Лондона в Бедфорд. Мама знала об их помолвке и планировала дожить до свадьбы. Но умерла на четыре месяца раньше.

Может, это была она. Ее жизнь. Может, ей впервые или даже во второй раз повезло.

Она позволила себе осторожную улыбку.

Нора снова двинулась по тропинке, поскрипывая гравием, на этот раз к боковой двери, из которой недавно вышел пьяный усатый мужчина в виновой куртке. Глубоко вдохнула и вошла внутрь.

Было тепло.

И тихо.

Она оказалась в каком-то холле или коридоре. Терракотовая плитка на полу. Низкие деревянные панели, а над ними – обои с рисунком из платановых листьев.

¹⁹ Макарон – печенье из молотого миндаля, сахара и яичного белка с прослойкой из крема или варенья.

Она миновала небольшой коридор и вошла в главный зал паба, который уже видела в окно. Отпрянула, внезапно увидев кота, возникшего словно из ниоткуда.

Худощавый шоколадный бирманец, изящный, прошел мимо, мурлыкнул. Она наклонилась, погладила его и прочла имя, выбитое на круглой пластинке, прикрепленной к ошейнику: *Вольтер*.

Кот другой, а имя то же. В отличие от ее любимого рыжего полосатого, вряд ли этот Вольтер был приютским. Кот заурчал.

– Привет, Вольт номер два. Похоже, ты здесь счастлив. А мы все такие же счастливые, как и ты?

Кот проурчал предполагаемое согласие и потерся головой о ногу Нору. Она взяла его на руки и подошла к бару. Там стоял ряд кранов с крафтовым пивом, стаутом и сидром, светлым элем и IPA²⁰. *Любимое пиво викария. Потерянное и обретенное. Мисс Марпл. Спящие лимоны. Разбитые мечты.*

Сбоку стояла банка для пожертвований от фонда защиты бабочек.

Она услышала звон стекла. Будто заполняли посудомоечную машину. Нора почувствовала, как ее грудь сдавила тревога. Знакомое ощущение. Потом за баром возник долговязый парень чуть старше двадцати лет в мешковатой майке для регби: едва обращая внимание на Нору, он собирал последние грязные бокалы и складывал их в посудомоечную машину. Включил ее, стянул свое пальто с крючка, надел, достал ключи от автомобиля.

– Пока, Нора. Я перевернул стулья и вытер все столы. Посудомойка включена.

– О, спасибо.

– До четверга.

– Да, – ответила Нора, чувствуя себя шпионом, близким к провалу. – Увидимся.

Спустя мгновение после того, как парень ушел, она услышала шаги, приближающиеся откуда-то снизу, по тем же плиткам, которые миновала она, когда зашла с бокового входа. И вот он здесь.

Он выглядел иначе.

Бородка исчезла, больше морщинок у глаз, темные круги. Он держал в руке почти допитый бокал темного пива. Все еще похож на ветеринара из телевизора, только несколько сезонов спустя.

– Дэн, – сказала она, словно нужно было его назвать. Как кролика у дороги. – Я только хотела сказать, что очень горжусь тобой. Очень горжусь нами.

Он взглянул на нее безучастно.

– Я выключал холодильные установки. Завтра нужно прибраться. Две недели этого не делали.

Нора понятия не имела, о чем он говорит. Она погладила кота.

– Верно. Да. Конечно. Прибраться.

Ее муж – вот кто он для нее в этой жизни – оглядел столы и перевернутые стулья. На нем была выцветшая футболка «Челюсти»²¹.

– Блейк и Софи ушли домой?

²⁰ *Сидр* – слабоалкогольный напиток из фруктов, на уровне пива. Все остальное – разновидности пива: крафтовое пиво – пиво, произведенное на небольшом частном предприятии с соблюдением классических, традиционных технологий; стаут – темный элевый сорт пива; эль – традиционный английский вид пива, получается методом верхового брожения, от обычного пива классический эль отличается отсутствием хмеля в рецептуре; IPA или индийский пейл-эль (India Pale Ale) – сильно охмеленная разновидность пейл-эля или светлого эля. Собственно, все перечисленные виды являются крафтовыми. – *Примеч. ред.*

²¹ «Челюсти» (1975, реж. Стивен Спилберг) – культовый триллер про акулу-людоеда.

Нора засомневалась. Она чувствовала, что он говорил о людях, которые работают на него. Молодой человек в мешковатой майке для регби, предположительно, был Блейком. Похоже, никого больше не было.

– Да, – ответила она, пытаясь говорить естественно, несмотря на глубочайшую странность обстоятельств. – Думаю, ушли. Они отлично справляются.

– Отлично.

Она помнила, как купила ему футболку с «Челюстями» на его двадцать шестой день рождения. Десять лет назад.

– Ответы сегодня были те еще. Одна из команд – с Питом и Джоли – заявила, что потолок Сикстинской капеллы расписал Марадона²².

Нора кивнула и погладила Вольта номер два. Как будто она знала, кто такие Пит и Джоли.

– Если честно, сегодня было непросто. Может, в другой раз стоит взять вопросы с другого сайта. Кто вообще знает название высочайшей горы в гряде Кара-как-там?

– Каракорум? – спросила Нора. – Ка два.

– Ну конечно, ты знаешь, – сказал он с излишней резкостью. Как будто слегка перебрал. – Это вроде как твоя сфера. Пока большинство людей увлекались тяжелой музыкой, ты увлекалась настоящим *тяжеляком* вроде камней.

– Эй, – сказала она. – Я же пела в группе.

В группе, вспомнила она, которую Дэн ненавидел.

Он рассмеялся. Она узнала этот смех, и он ей не понравился. Она уже забыла, как часто за время их отношений юмор Дэна обрушивался на других людей, особенно на Нору. Когда они были вместе, она старалась не замечать этой грани его личности. У него было много других черт – он был мил с ее мамой, когда та болела, и мог легко поддержать любую беседу, он много мечтал о будущем, был симпатичным и легким в общении, страстно любил искусство и всегда останавливался поговорить с бездомными. Он заботился о мире. Человек – как город. Нельзя оценивать всю его территорию по отдельным непривлекательным районам. Возможно, тебе не понравятся некоторые места, попадетя несколько сомнительных переулков и кварталов, но все хорошее, что в нем есть, того стоит.

Он слушал много дурацких подкастов, которые, по его мнению, должна слушать и Нора, смеялся так, что Нору это раздражало, и громко булькал жидкостью для полоскания рта. И да, он перетягивал на себя одеяло и временами бывал заносчив в своем мнении об искусстве, кино и музыке, но в нем не было ничего откровенно *дурного*. Ну – раз уж она об этом подумала, – он никогда не поддерживал ее музыкальную карьеру, утверждал, что ее участие в «Лабиринтах» и подписание контракта плохо отразятся на ее душевном здоровье и что ее брат слегка эгоистичен. Но в то же время она считала это не сигналом опасности, а скорее чем-то хорошим. Она думала так: он заботится о ней, а это хорошо, когда кто-то о тебе заботится, когда есть человек, кого не прельщают слава и верхоглядство, готовый помочь сориентироваться в жизни. И когда он предложил ей выйти за него, в коктейль-баре на верхнем этаже башни «Оксо»²³, она согласилась и, пожалуй, всегда правильно делала, что соглашалась.

Он вышел на середину зала, поставил на стол бокал с пивом и теперь уткнулся в телефон в поисках лучших вопросов для викторины.

Она гадала, сколько он сегодня выпил. Гадала, не стоит ли в действительности за мечтой стать владельцем паба желание иметь нескончаемые запасы алкоголя.

– Как называется двадцатисторонний многоугольник?

²² Потолок Сикстинской капеллы в 1508–1512 гг. расписывал Микеланджело Буонарроти (1475–1564), выдающийся художник, скульптор и архитектор эпохи Возрождения. *Марадона*, Диего (род. 1960) – аргентинский футболист.

²³ Башня «Оксо» находится на южном берегу Темзы в центре Лондона, наверху расположены ресторан и бар.

– Не знаю, – соврала Нора, не желая рисковать и получить ту же реакцию, что и мгновение назад.

Он положил телефон в карман.

– Все равно у нас неплохо получилось. Выпивки разошлось море. Неплохо для вторника. Все налаживается. Есть что сказать завтра банку. Может, нам дадут отсрочку по кредиту...

Он уставился на пиво в своем бокале, взболтнул его и допил до дна.

– Хотя нужно сказать Эй-Джею²⁴, чтобы пересмотрел меню для ланча. Никто в Литтл-ворте не хочет есть карамелизованную свеклу, салат из кормовых бобов и кукурузные оладьи. Наша задача – не пристыдить Фитцровию²⁵. Знаю, там отлично идут дела, но, думаю, вина, которые ты выбрала, того не стоят. Особенно калифорнийские.

– Ладно.

Он оглянулся и посмотрел назад.

– А где доска?

– Что?

– Доска. Я думал, ты принесла ее.

Так *вот* зачем она была снаружи.

– Нет. Нет. Я сейчас принесу.

– Я вроде видел, как ты выходила.

Нора улыбнулась, отгоняя нервозность.

– Да, верно, выходила. Нужно было... я волновалась из-за кота. Вольта. Вольтера. Не могла его найти и вышла наружу поискать, но потом отыскала.

Дэн зашел за стойку бара и налил себе скотч.

Ему показалось, что она осуждает его.

– Это только третий бокал. Четвертый, может. Сегодня же викторина. Ты ведь знаешь, я нервничаю, когда веду конферанс. А это помогает мне быть забавным. И я был забавным, не находишь?

– Да. Очень забавным. Сама забава.

Его лицо внезапно стало серьезным.

– Я видел, ты говорила с Эрин. Что она сказала?

Нора не была уверена, как лучше ответить.

– О, ничего особенного. Как обычно. Ты же знаешь Эрин.

– Как обычно? Ты же вроде раньше ни разу с ней не общалась.

– Я имела в виду, что обычно говорят люди. Не конкретно Эрин. Обычная беседа...

– Как поживает Уилл?

– Э, очень хорошо, – наугад ответила Нора. – Передает привет.

Дэн выпучил глаза от удивления.

– Неужели?

Нора понятия не имела, что говорить. Может, Уилл – это ребенок. Может, Уилл в коме.

– Извини, нет, не передает привет. Прости, я не подумала. Не важно, я... пойду, принесу доску.

Она опустила кота на пол и направилась к выходу. На этот раз она заметила то, что упустила при входе.

Газетная вырезка из Oxford Times в рамке с фотографией Норы и Дэна, стоящих у входа в «Три подковы». Дэн обнимал ее. На нем был костюм, которого она прежде не видела,

²⁴ *Эй-Джей* – распространенное в англоговорящем мире сокращение по первым инициалам имени: А. J. Например, Эй-Джей Фойт – легендарный гонщик «Формулы-1», его полное имя Anthony Joseph Foyt. Эй-Джей – имя водителя в популярном американском сериале «Вспыш и чудо-машинки». – *Примеч. ред.*

²⁵ *Фитцровия* – богемный и престижный район Лондона.

а на ней – изысканное платье, которое она ни за что бы не надела в своей настоящей жизни (она редко носила платья).

ВЛАДЕЛЬЦЫ ПАБА ВОПЛОЩАЮТ МЕЧТУ В РЕАЛЬНОСТЬ

Судя по статье, они задешево купили заброшенный паб, сделали ремонт на скромное наследство (Дэна), сбережения и банковский кредит. В статье представлялась история успеха, хотя это было два года назад.

Она вышла на улицу, гадая, стоит ли судить о жизни по нескольким минутам за полночь вторника. Или, может, этого как раз довольно.

Поднимался ветер. Доска стояла на тихой деревенской улочке, порывы ветра сдвинули ее с дорожки и опрокинули. Не успев поднять ее, Нора почувствовала вибрацию телефона в кармане. Она не знала, что он там был. Вынула. Сообщение от Иззи.

Она обратила внимание на заставку: фото себя с Дэном где-то на юге.

Разблокировала телефон распознаванием лица и открыла сообщение. Это была фотография кита, всплывающего в океане, белый фонтан брызг поднимался в воздух, как струя шампанского из бутылки. Фото было чудесным и вызвало у нее улыбку.

Иззи печатала.

Появилось новое сообщение:

Это одна из моих фотографий вчера с лодки.

И еще:

Мать горбатого кита

И снова фото: на этот раз два кита, их спины пересекают волны.

С китенком

Последнее сообщение включало эмодзи²⁶ китов и волн.

Нора ощутила тепло. Не только от фотографий, которые, безусловно, были чудесными, но и от контакта с Иззи.

Когда Нора отменила свадьбу с Дэном, Иззи настаивала, чтобы они отправилась в Австралию вместе.

Они проложили маршрут, спланировали жить в Байрон-Бей и найти работу на судне, которое возит туристов смотреть китов.

Они просмотрели множество видео с горбатыми китами в предвкушении этого приключения. Но потом Нора засомневалась и дала задний ход. Так же, как она отошла от карьеры пловчихи, от группы, от свадьбы. Но, в отличие от тех занятий, у нее даже не было *причины*. Да, она начала работать в «Теории струн», и да, она ощущала потребность ухаживать за могилами родителей, но она знала, что остаться в Бедфорде – ее худший вариант. И все же она выбрала его. Из-за странной предсказуемой ностальгии, которая зрела вместе с депрессией и говорила ей, что она, в конце концов, *не заслужила* быть счастливой. Что она причинила Дэну боль, и жизнь в родном городе, состоящая из моросящего дождя и уныния, – это ее наказание, и ей не хватает воли или ясности, или, черт возьми, *сил* на что-то еще.

Так что, по сути, она променяла лучшую подругу на кота.

В своей настоящей жизни она никогда не ссорилась с Иззи. Никакой драмы. Но после того как Иззи улетела в Австралию, отношения их охладели настолько, что от дружбы остался только дым случайных лайков в Facebook или Instagram и наполненных эмодзи поздравлений с днем рождения.

Она просмотрела переписку с Иззи и поняла, что, хотя между ними больше десяти тысяч километров, в этой версии реальности у них все еще замечательные отношения.

²⁶ Текстовые или графические смайлики и символы, которые используются вместо слов для передачи эмоций, настроения или какого-то смысла в сообщениях и на сайтах. – *Примеч. ред.*

Когда она вернулась в паб, на этот раз с доской, Дэна нигде не было видно, так что она заперла заднюю дверь и постояла немного в коридоре, пытаясь понять, где лестница, не уверенная, хочет ли она в действительности идти к подвыпившему якобы-мужу.

Она нашла лестницу с задней стороны здания, за дверью с надписью «Только для персонала». Ступив на бежевый ковер из рафии и направившись к ступеням, начинавшимся сразу после постера в рамке к их любимому фильму с Райаном Бейли «Чему учишься в темноте», который они смотрели вместе в кинотеатре «Одеон» в Бедфорде, она заметила картинку поменьше на милом узком подоконнике.

Это было их свадебное фото. Черно-белое, в стиле хроники. Они выходили из церкви под дождь конфетти. Сложно толком разглядеть их лица, но они оба смеялись, и это был их общий смех, и они казались – насколько фотография могла это передать – влюбленными. Она вспомнила, как ее мама говорила про Дэна: «Он хороший. Тебе так повезло. Держись за него».

Она увидела и брата, Джо, побритого налысо и выглядящего искренне счастливым, с бокалом шампанского в руке и своим роковым парнем рядом – недолго прожившим инвестиционным банкиром Льюисом. Иззи тоже там была. И Рави, похожий скорее на бухгалтера, чем на барабанщика, стоял рядом с женщиной в очках, которую она никогда раньше не видела.

Пока Дэн был в туалете, Нора вычислила спальню. Хотя им явно не хватало денег – и тревога по поводу встречи в банке это подтверждала, – комната была обставлена дорого. Изящные жалюзи. Широкая уютная постель. Пуховое одеяло, хрусткое, чистое белое.

По обе стороны кровати лежали книги. В своей реальной жизни она не держала книг у кровати как минимум полгода. Она *ничего* не читала уже шесть месяцев. Может, в этой жизни ей лучше удавалось сосредоточиться.

Она взяла в руки одну из книг – «Медитация для начинающих». Под ней лежала биография ее любимого философа – Генри Дэвида Торо. Были книги и на прикроватном столике Дэна. Последнее, что он читал, насколько она помнила, – биография Тулуз-Лотрека «Крошечный гигант»²⁷, но в этой жизни он изучал книгу по бизнесу, которая называлась «Из нулей в герои: как управлять успехом на работе, в игре и жизни», и последнее издание «Путеводителя по хорошим пабам».

Она ощущала себя иначе в своем теле. Более здоровой, сильной, но напряженной. Она погладила живот и поняла, что в этой жизни больше занимается спортом. Прическа тоже другая. Нора чувствовала густую челку и, потрогав волосы, обнаружила, что сзади они длиннее привычного. В голове ощущался легкий дурман. Должно быть, она выпила как минимум пару бокалов вина.

В этот момент она услышала смыв в туалете. Раздалось бульканье. Оно казалось чуть более громким, чем того требовала процедура.

– Все хорошо? – спросил Дэн, войдя в спальню.

Его голос, поняла она, звучал иначе, не таким, каким она его помнила. Более пустым. Более холодным. Может, из-за усталости. Может, из-за стресса. Может, из-за пива. Может, из-за их брака. Может, еще из-за чего.

Было трудно вспомнить в точности, как он звучал прежде. И каким именно он был. Но такова природа памяти. В университете она написала эссе, сухо озаглавив его «Основы памяти и воображения по Гоббсу»²⁸. Томас Гоббс в целом ставил знак равенства между памятью и воображением, и, узнав об этом, она уже больше никогда полностью не доверяла своим воспоминаниям.

За окном желтый свет уличного фонаря лился на пустынную деревенскую дорогу.

²⁷ *Тулуз-Лотрек*, Анри де (1864–1901) – французский художник постимпрессионист. Предположительно, из-за наследственного заболевания, его ноги после переломов перестали расти в детстве, и он остался небольшого роста

²⁸ *Гоббс*, Томас (1588–1679) – английский философ-материалист.

– Нора? Ты ведешь себя странно. Что ты стоишь посреди комнаты? Ты укладываешься спать, или это какая-то стоячая медитация?

Он рассмеялся. Счел это смешным.

Подошел к окну и задернул занавески. Затем снял джинсы и повесил их на спинку стула. Она уставилась на него и попыталась ощутить влечение, которое испытывала когда-то. Это потребовало титанических усилий. Такого она не ожидала.

Жизнь любого человека может развиваться в бесконечное число вариантов.

Он тяжело упал в постель, как кит в океан. Взял «Из нулей в герои». Попытался сосредоточиться. Отложил. Поднял с пола в кровать ноутбук, засунул наушник в ухо. Возможно, собирался послушать подкаст.

– Я просто кое о чем думала.

Она ощутила слабость. словно пребывала тут лишь наполовину. Она вспомнила, что миссис Элл говорила про разочарование в жизни, которое вернет ее в библиотеку. Она вдруг подумала, что слишком странно будет ложиться в одну постель с человеком, которого не видела два года.

Она заметила время на электронном будильнике: 12:23.

Все еще с одним наушником в ухе, он вновь на нее взглянул.

– Вот что, слушай, если не хочешь сегодня делать детей, можешь просто сказать, ты ведь в курсе?

– Что?

– В смысле, я знаю, что мы должны ждать еще месяц до твоей следующей овуляции...

– Мы пытаемся завести ребенка? Я хочу ребенка?

– Нора, что с тобой? Почему ты такая странная сегодня?

Она сняла туфли.

– Все нет.

Она вспомнила кое-что, связанное с футболкой «Челюсти».

Мелодия. «Прекрасное небо».

В день, когда она купила Дэну футболку с принтом фильма «Челюсти», она сыграла ему песню, которую написала для «Лабиринтов». «Прекрасное небо». Она была убеждена, что это ее лучшая песня. И более того, это была счастливая песня, отражавшая ее надежды в тот период жизни. Песня, вдохновленная ее новой жизнью с Дэном. И он прослушал ее с неприязненным безразличием, которое больно укололо ее тогда, и она обязательно обсудила бы это с ним, если бы не его день рождения.

– Да, – сказал он. – Ничего так.

Она удивилась, почему это воспоминание забылось и возникло только сейчас, как большая белая акула на его выцветшей футболке.

И другие воспоминания возвращались к ней тоже. Его чрезмерная реакция, после ее рассказа о покупателе – Эше, хирурге и гитаристе-любителе, который приходил в «Теорию струн» за песенником, – между делом спросившем Нору, не хочет ли она как-нибудь выпить с ним кофе.

(«Конечно, я отказалась. Прекрати кричать».)

Хуже, однако, было, когда агент крупной звукозаписывающей компании (или, скорее, маленькая бывшая компания для инди-групп, за которой стояла Universal) хотел подписать контракт с «Лабиринтами». Дэн тогда заявил ей, что их отношения вряд ли продолжатся. Он также узнал жуткую историю от одного из своих университетских друзей, который играл в группе, подписавшей подобный контракт: компания ободрала их до нитки, и они остались безработными алкоголиками или вроде того.

– Я могла бы взять тебя с собой, – сказала она. – Я прописала бы это в контракте. Мы могли бы везде ездить вместе.

– Извини, Нора. Но это твоя *мечта*. Не моя.

Вспоминать это было еще больнее, зная, как упорно – до свадьбы – она пыталась воплотить его мечту о пабе в деревенском Оксфордшире и сделать ее своей.

Дэн всегда говорил, что заботится о Норе: у нее начались панические атаки, когда она стала петь в группе, особенно когда нужно было выступить на сцене. Но забота была как минимум отчасти манипулятивной, поняла она сейчас.

– Мне показалось, – проговорил он теперь, – что ты начинаешь снова мне доверять.

– Доверять тебе? Дэн, с чего мне тебе не доверять?

– Сама знаешь.

– Конечно, знаю, – соврала она. – Я лишь хочу услышать это от тебя.

– Ну, из-за тех делишек с Эрин.

Она уставилась на него, словно на пятно Роршаха, в котором не могла разглядеть отчетливый образ.

– Эрин? С которой я говорила сегодня?

– Меня всю жизнь будут жрать за один глупый пьяный случай?

Ветер на улице усиливался, завывая в деревьях, словно пытался заговорить.

Это была жизнь, по которой она так страдала. Это была та жизнь, которую она не осмелилась прожить, за что все время себя винила. Это было время, подумала она, о несуществовании в котором она сожалела.

– Одна глупая ошибка? – отозвалась она.

– Ладно, две.

Все усложнялось.

– Две?

– Я был в тяжелом состоянии. Под давлением. Из-за паба. И очень пьян.

– Ты занимался сексом с другой и даже не пытаешься хоть как-то... искупить вину.

– Серьезно, зачем это все вытаскивать? Мы уже все обсудили. Помнишь, что сказал психотерапевт. О том, что нужно сосредоточиться на том, куда мы хотим прийти, а не где мы были.

– Ты когда-нибудь думал, что, может, мы просто не подходим друг другу?

– Что?

– Я люблю тебя, Дэн. И ты можешь быть очень добрым человеком. И ты был очень заботлив к моей маме. И у нас были, в смысле, *бывают*, увлекательные беседы. Но тебе никогда не казалось, что мы упустили что-то? Что мы изменились?

Она села на край постели. Как можно дальше от него.

– Ты когда-нибудь чувствовал, что тебе повезло со мной? Ты понимаешь, как близка я была к тому, чтобы оставить тебя за два дня до свадьбы? Ты хоть представляешь, как бы у тебя все пошло наперекосяк, если бы я не появилась на свадьбе?

– Ух ты. Серьезно? А у тебя весьма высокая самооценка, Нора.

– Разве это плохо? Разве так не должно быть у всех? Почему самооценка – это плохо? К тому же это правда. Есть и другая вселенная, в которой ты шлешь мне сообщения в WhatsApp о том, как хреново тебе без меня. Как ты заливаешь горе алкоголем, хотя, похоже, ты пьешь и *со мной* тоже. Ты пишешь мне, что скучаешь по моему голосу.

Он издал презрительный звук – то ли смешок, то ли кряхтенье.

– Ну прямо сейчас я определенно не скучаю по твоему голосу.

Она не смогла продолжать раздеваться. Она поняла, что ей трудно, может, даже невозможно, снять еще что-то из одежды перед ним.

– И прекрати попрекать меня выпивкой.

– Если ты используешь ее как предлог, чтобы с кем-то трахаться, я могу тебя ею попрекать.

– Я сельский житель, – фыркнул Дэн. – Так поступают все сельские жители. Я весел и жизнерадостен и готов пробовать множество разных напитков, которые мы продаем. Боже.

С каких пор он так разговаривает? Он всегда разговаривал так?

– Черт возьми, Дэн.

Его это даже не смутило. Он ни капли не благодарен за вселенную, в которой живет. А она так винила себя в том, что эта вселенная не материализовалась. Он дотянулся до телефона, все еще с ноутбуком на одеяле. Нора смотрела, как он просматривает сообщения.

– Вот так ты себе это воображал? Исполнение мечты?

– Нора, давай не будем о грустном. Просто залезай в эту чертову постель.

– Ты счастлив, Дэн?

– Никто не счастлив, Нора.

– Некоторые счастливы. Ты раньше был счастливым. Ты загорался, когда мы говорили об этом. Помнишь, о пабе. Когда у тебя его еще не было. Это была жизнь, о которой ты мечтал. Ты хотел меня, и ты хотел *это*, и все же ты оказался неверным, и пьешь как сапожник, и, думаю, ты ценишь меня, только когда меня нет рядом, а это не лучшее качество в человеке. Как насчет *моей* мечты?

Он почти не слушал. Или пытался показать, что не слушает.

– Большие пожары в Калифорнии, – сказал он почти про себя.

– Что ж, по крайней мере, мы не там.

Он отложил телефон. Закрыв ноутбук.

– Ты ложишься в постель или как?

Она уменьшилась ради него, но ему все равно не хватало места. Уже нет.

– Икосагон, – сообщила она ему.

– Что?

– Вопрос. Ты задавал. Двадцатисторонний многоугольник. Что ж, двадцатисторонний многоугольник называется «икосагон». Я знала ответ, но не сказала, не хотела, чтобы ты надо мной смеялся. А теперь мне все равно, потому что не думаю, что мои знания должны тебе досаждать. И к тому же я собираюсь в ванную.

И она оставила Дэна с открытым ртом, мягко выйдя по широким доскам пола из комнаты.

Вошла в ванную. Включила свет. Ее руки, ноги, туловище била дрожь. Она исчезала из этой жизни и была уверена в этом. Ей недолго оставалось. Разочарование было полным.

Это была внушительная ванная комната. В ней висело зеркало. Нора ахнула, увидев свое отражение. Она выглядела здоровее, но старше. Ее прическа делала ее незнакомкой.

Это не та жизнь, какой я ее себе представляла.

И Нора пожелала себе в зеркале: «Удачи».

А мгновение спустя она вернулась в Полночную библиотеку, и миссис Элм смотрела на нее с небольшого расстояния с любопытствующей улыбкой.

– Ну, как все прошло?

Предпоследний пост, который Нора опубликовала до того, как оказалась между жизнью и смертью

Вы когда-нибудь задавались вопросом: «Как я здесь очутилась?» Словно вы в лабиринте и совершенно запутались, и все по вашей же вине, ведь это именно вы всякий раз сворачивали не туда? И вы знаете, что существует множество маршрутов, которые помогли бы вам выбраться, ведь вы слышите всех этих людей снаружи, которые уже вышли, и они смеются и улыбаются. А порой вы даже видите их сквозь изгородь. Мимолетные фигуры через листву. И они кажутся такими чертовски счастливыми, что вышли оттуда, и вы не злитесь на них, но злитесь на себя – за то, что не справились. Бывает у вас? Или этот лабиринт только для меня?

PS. Мой кот умер.

Шахматная доска

Полки в Полночной библиотеке снова стояли смиренно, словно никогда не приходили в движение.

Нора почувствовала, что они теперь в другой части библиотеки – но не в другой комнате, ведь это, похоже, был единственный, бесконечно просторный зал. Трудно сказать, действительно ли она очутилась в другой части библиотеки, ведь книги по-прежнему были зелеными, хоть ей и показалось, что она теперь стоит ближе к коридору, чем прежде. И отсюда она могла разглядеть сквозь стеллаж нечто новое – рабочий стол и компьютер: похоже на обычный импровизированный офис открытой планировки, расположенный в коридоре между полок.

Миссис Элм за столом не было. Она сидела за низким деревянным столиком прямо перед Норой и играла в шахматы.

– Было не так, как я себе представляла, – сообщила Нора.

Миссис Элм, похоже, была в разгаре игры.

– Трудно предсказать, верно? – спросила она, безучастно глядя перед собой, перемещая черного слона по доске, чтобы взять белую пешку. – Что именно сделает нас счастливыми.

Миссис Элм перевернула доску на сто восемьдесят градусов. Теперь, похоже, она играла против себя.

– Да, – сказала Нора. – Так и есть. Но что будет с ней? Со мной? Как все закончится?

– Откуда мне знать? Я знаю лишь сегодняшний день. Я знаю много о сегодняшнем дне. Но я не знаю, что случится завтра.

– Но она там в ванной, и не знает, как в ней оказалась.

– Ты когда-нибудь входила в комнату, гадая, зачем пришла? Когда-нибудь забывала, что только что сделала? Выпадала из реальности или не могла вспомнить, чем только что занималась?

– Да, но я провела там полчаса той жизни.

– И другая ты не будет об этом знать. Она будет помнить все, что ты сказала и сделала. Но так, будто это была она сама.

Нора глубоко вздохнула.

– Дэн не был таким раньше.

– Люди меняются, – заметила миссис Элм, все еще глядя на доску.

Ее палец замер над слоном. Нора передумала.

– Или, может, он был таким, просто я не замечала.

– Итак, – спросила миссис Элм, глядя на Нору, – что сейчас чувствуешь ты?

– Все еще хочу умереть. Я хотела умереть уже довольно давно. Я тщательно рассчитала, что боль от меня живущей, от чертового ходячего несчастья, гораздо больше, чем боль, которую кто-либо почувствует, если я умру. Вообще, я уверена, что все лишь ощутят облегчение. Я никому не приношу пользы. Я плохой работник. Я всех разочаровала. Если честно, я просто лишний углеродный след. Я причиняю боль людям. У меня никого не осталось. Даже бедняги Вольта: он умер, потому что я не смогла за ним как следует присмотреть. Я хочу умереть. Моя жизнь – катастрофа. И я хочу, чтобы она закончилась. Я не создана для жизни. И нет никакого толку в том, чтобы устраивать для меня это все. Я явно обречена быть несчастной и в других жизнях тоже. Дело во мне. Я ничего не приношу людям. Я погрязла в жалости к себе. И хочу умереть.

Миссис Элм внимательно смотрела на Нору, словно перечитывала абзац в книге и внезапно углядела в нем новый смысл.

– «Хочу», – произнесла она размеренным тоном, – какое любопытное слово. Оно означает нехватку. Порой, если мы восполняем этот недостаток чем-то иным, изначальное жела-

ние полностью исчезает. Может, у тебя проблема недостатка, а не проблема желания. Может, существует жизнь, которую ты действительно хочешь прожить.

– Я думала, это была она. Та жизнь с Дэном. Но нет.

– Нет, это не она. Но это лишь одна из твоих возможных жизней. А единица по сравнению с бесконечностью – это такая малость.

– В каждой из возможных жизней есть я. Так что технически это не каждая возможная жизнь.

Но миссис Элм не слушала.

– Итак, скажи, куда ты хочешь отправиться теперь.

– Пожалуйста, никуда.

– Тебе нужно снова взглянуть в *«Книгу сожалений»*?

Нора наморщила носик и слегка качнула головой. Она вспомнила, как задыхалась от обилия сожалений.

– Как насчет твоего кота? Как его звали?

– Вольтер. Несколько пафосно, а он не был манерным котом, так что я для краткости звала его Вольтом. Иногда Вольтиком в припадке нежности. Но это было редко, конечно. Я даже с именем для кота не могла определиться.

– Ты сказала, что плохо заботилась о коте. Что бы ты сделала иначе?

Нора задумалась. Она чувствовала, что миссис Элм играет с ней, но очень хотела увидеть снова именно своего кота, а не просто того, которого зовут так же. По правде, она хотела этого больше всего на свете.

– Ладно. Я бы хотела увидеть жизнь, в которой я держала бы Вольтера взаперти. *Моего* Вольтера. Я бы хотела жизнь, в которой не пыталась бы убить себя, а была хорошей хозяйкой своему коту и не выпускала его на улицу прошлой ночью. Я бы хотела такую жизнь, пусть и ненадолго. Она ведь существует?

Единственный способ научиться жить

Нора огляделась и обнаружила себя в собственной постели.

Проверила часы. Минута за полночь. Она включила свет. Это была *в точности* ее жизнь, только лучше, ведь Вольтер будет жив. Ее настоящий Вольтер.

Но где же он?

– Вольт?

Она выбралась из постели.

– Вольт?

Она обыскала всю квартиру, но не могла его найти. Дождь стучал в окна – это не изменилось. Ее новая пачка антидепрессантов лежала на кухонном столе. Электропиано молчаливо стояло у стены.

– Вольтик?

Вот ее юкка и три крохотных кактуса на книжных полках, в точности та же мешанина из философских трактатов, романов и нечитанных руководств по йоге, биографий рок-звезд и научно-популярных книг. Старый выпуск National Geographic с акулой на обложке и журнал Elle, вышедший пять месяцев назад – она купила его в основном из-за интервью с Райаном Бейли. Ничего нового за долгое время.

Стояла миска, полная кошачьего корма.

Она обшарила везде, зовя его по имени. Но увидела, только вернувшись в спальню и проверив под кроватью.

– Вольт!

Кот не шелохнулся.

Руками не получалось дотянуться, так что она подвинула кровать.

– Вольтик. Ну же, Вольтик, – шептала она.

Но в мгновение, когда она прикоснулась к его холодному телу, она уже все понимала и ее переполняли грусть и смятение. Она тут же обнаружила себя в Полночной библиотеке перед миссис Элм, которая на этот раз сидела в удобном кресле, глубоко погруженная в одну из книг.

– Я не понимаю, – сказала ей Нора.

Миссис Элм удерживала взгляд на странице, которую читала.

– Впереди еще много непонятного.

– Я попросила жизнь, в которой Вольтер еще жив.

– Вообще-то нет.

– Что?

Она отложила книгу.

– Ты просила жизнь, в которой ты держала его взаперти. Это совсем другое.

– Разве?

– Да. Совершенно. Видишь ли, если бы ты попросила жизнь, в которой он еще жив, мне пришлось бы тебе отказать.

– Но почему?

– Потому что ее не существует.

– Я думала, существует любая жизнь.

– Любая *возможная*. Видишь ли, оказывается, у Вольтера серьезный случай, – она внимательно прочла в книге, – *рестриктивной кардиомиопатии*, очень тяжелый недуг, он с ним родился, и это должно было вызвать остановку сердца в молодости²⁹.

²⁹ *Рестриктивная кардиомиопатия* – заболевание, характеризующееся выраженным снижением растяжимости мышцы сердца вследствие различных причин. В результате происходит нарушение функционирования органа. Признаками у кошек

– Но его сбила машина.

– Есть разница, Нора, в том, чтобы умереть на дороге или быть сбитым машиной. В твоей осевой жизни Вольтер прожил дольше, чем в любой другой, за исключением этой, в которой он скончался три часа назад. И хотя у него было трудное детство, год, прожитый с тобой, был его лучшим. У Вольтера были жизни гораздо хуже, поверь мне.

– Несколько минут назад вы даже имени его не знали. С чего вы взяли, что у него была рестриктивная кардио – как ее там?

– Я знала его имя. И это было не несколько минут назад. А прямо сейчас проверь часы.

– Зачем вы солгали?

– Я не врала. Я спросила тебя, как зовут твоего кота. Я не говорила, что не знаю его имени. Ты понимаешь разницу? Я хотела, чтобы ты назвала его по имени, чтобы ты что-то почувствовала.

Нора разгорячилась.

– Это еще хуже! Вы отправили меня в ту жизнь, *зная*, что Вольт мертв. И Вольт *был* мертв. Так что ничего не изменилось.

Глаза миссис Элм снова блеснули.

– Кроме тебя.

– В смысле?

– Ну, ты больше не считаешь себя плохой хозяйкой кота. Ты заботилась о нем так, как только можно было заботиться. Он любил тебя так же сильно, как ты любила его, и, может, он не хотел, чтобы ты видела его смерть. Видишь ли, коты *знают*. Они понимают, когда их время на исходе. Он вышел на улицу, *потому что* готовился к смерти, он знал о ней.

Нора пыталась это переварить. Теперь, поразмыслив, она поняла, что на теле кота не было внешних повреждений. Она просто приняла версию Эша. Что мертвый кот на дороге погиб *из-за* дороги. А если так решил хирург, обычный человек принимает его версию. Два плюс два равняется наезд машины.

– Бедняга Вольт, – прошептала Нора скорбно.

Миссис Элм улыбнулась как учительница, которая увидела, что ее урок усвоен.

– Он любил тебя, Нора. Ты заботилась о нем не хуже, чем мог бы заботиться кто-то еще. Иди посмотри последнюю страницу *«Книги сожалений»*.

Нора обнаружила, что книга лежит на полу. Села на коленки рядом с ней.

– Я не хочу снова ее открывать.

– Не бойся. На этот раз будет безопасней. Просто взгляни на последнюю страницу.

Перелистнув последнюю страницу, она увидела, что ее последнее сожаление – «Я плохо заботилась о Вольтере» – медленно исчезает. Буквы растворялись, словно незнакомцы, уходящие в туман.

Нора закрыла книгу, пока не успела почувствовать еще что-то плохое.

– Итак, видишь? Порой сожаления вовсе не основываются на действительности. Порой сожаления – это просто... – она искала уместное слово и нашла его: – Полное *фуфло*.

Нора пыталась вспомнить учебу в школе, чтобы свериться, произносила ли когда-то миссис Элм слово «фуфло», и была вполне уверена, что нет.

– Но я не понимаю, зачем вы позволили мне войти в ту жизнь, если знали, что Вольт все равно будет мертв? Вы могли бы предупредить меня. Могли бы просто сказать, что я не такая плохая хозяйка, как мне казалось. Почему вы этого не сделали?

– Потому что, Нора, порой единственный способ научиться – это *прожить*.

– Звучит непросто.

– Садись, – сказала ей миссис Элм, – по-человечески. Нехорошо, что ты на полу на коленках.

Нора обернулась и увидела позади себя кресло, которого прежде не замечала. Антикварное кресло – из красного дерева, обитое кожей, возможно эдвардианское³⁰, – с медной подставкой для книг, прикрепленной к одному подлокотнику.

– Отдохни немного.

Нора села.

Посмотрела на часы. Сколько бы она ни отдыхала, на них все равно была полночь.

– Мне все равно это не нравится. Одной печальной жизни достаточно. Зачем рисковать еще?

– Ладно, – пожала плечами миссис Элм.

– Что?

– Давай ничего не будем делать. Можно просто остаться в библиотеке со всеми жизнями, ждущими на полках, не выбрав ни одну из них.

Нора почувствовала, что миссис Элм опять с ней играет. Но она пошла на поводу.

– Ладно.

И Нора просто встала, а миссис Элм вновь уткнулась в свою книгу.

Норе казалось нечестным, что миссис Элм может читать жизни, не попадая в них.

Время шло.

Хотя технически, конечно, оно не менялось.

Нора могла оставаться здесь вечно, не чувствуя голода, жажды, усталости. Но она могла, по-видимому, ощущать скуку.

И пока время не двигалось, любопытство Норы о жизнях вокруг нее постепенно росло. Оказалось, почти невозможно стоять в библиотеке и не испытывать желания взять в руки книгу с полки.

– А почему бы вам просто не дать мне жизнь, о которой вы точно знаете, что она хороша? – спросила она внезапно.

– Библиотека так не работает.

Нора задала другой вопрос.

– Наверняка в большинстве жизней я сейчас сплю, разве нет?

– Во многих, да.

– И что будет потом?

– Ты спишь. А потом просыпаешься в той жизни. Не о чем волноваться. Но если нервничаешь, попробуй жизнь, в которой время другое.

– О чем вы?

– Ну, не везде же сейчас ночь?

– Что?

– Тут *бесконечное* число возможных вселенных, в которых ты живешь. Неужели ты думаешь, что все они существуют в гринвичском времени?³¹

– Конечно, нет, – ответила Нора. Она поняла, что готова поддаться и выбрать новую жизнь. Подумала о горбатых китах. О сообщении, на которое не ответила. – Я хотела бы поехать в Австралию с Иззи. Хотела бы испытать ту жизнь.

³⁰ *Эдвардианский стиль* – стиль, возникший во время короткого правления Эдварда VII (1901–1910). Вобрал черты барокко, рококо и ампира, став при этом более демократичным. Главным достижением было внедрение бытовых удобств. В то время складывается тенденция к экономии свободного места. – *Примеч. ред.*

³¹ *Гринвичское время* – среднее солнечное время меридиана, проходящего через прежнее место расположения Гринвичской королевской обсерватории около Лондона. До 1972 г. считалось точкой отсчета времени в других часовых поясах. – *Примеч. ред.*

- Очень хороший выбор.
- Что? Это очень хорошая жизнь?
- О, я этого не говорила. Я просто чувствую, что ты учишься лучше *выбирать*.
- Так это плохая жизнь?
- Этого я тоже не сказала.

И полки вновь пришли в движение, но спустя несколько секунд остановились.

- Ах, да, вот она, – сказала миссис Элм, взяв книгу со второй полки снизу.

Она мгновенно узнала ее, хотя это было странно, ведь книга была почти такой же, как и все вокруг.

Она передала книгу Норе – тепло, словно это был подарок на день рождения.

- Держи. Ты знаешь, что делать.

Нора сомневалась.

- А вдруг я мертва?

- Не поняла?

– Ну, в другой жизни. Должны же быть другие жизни, в которых я умерла раньше сегодняшнего дня.

Миссис Элм казалась заинтригованной.

- Разве не этого ты хотела?

- Ну да, но...

– Ты умерла несчетное число раз до сегодняшнего дня, да. В автоаварии, от передозировки наркотиков, утонула, отравилась некачественной едой, подавилась яблоком, подавилась печеньем, подавилась вегетарианским хот-догом, подавилась невегетарианским хот-догом, от любой болезни, которую только можно подхватить... Ты умерла всеми возможными способами, в любое возможное время.

- Так я могу открыть книгу и просто умереть?

– Нет. Не мгновенно. Как и с Вольтером, единственные жизни, доступные здесь, это *жизни*. То есть ты можешь *умереть* в этой жизни, но ты не умерла в ней *до* того, как вошла в нее, поскольку Полночная библиотека состоит не из призраков. Это не библиотека трупов. Это библиотека возможностей. А смерть противоположна возможности. Понимаешь?

- Кажется, да.

И Нора вперилась в книгу, которую ей дали. Хвойно-зеленую. Гладкую, вновь тисненую крупным шрифтом, с удручающе бессмысленным заглавием – **«Моя жизнь»**.

Она открыла ее и увидела пустую страницу, перелистнула ее, гадая, что случится на этот раз.

«В плавательном бассейне было чуть болеелюдно, чем обычно...»

И оказалась там.

Огонь

Она резко вдохнула. Ощущения неожиданные. Шум и плеск. Открыла рот и поперхнулась. Запах и острый вкус соленой воды.

Она попыталась коснуться ногами дна, но оказалась на глубине и быстро перешла на брасс.

Плавательный бассейн, но с соленой водой. Под открытым небом, рядом с океаном. Похоже, выбитый в скале, которая выступает из берега. Она видела настоящий океан совсем близко. Над головой светило солнце. Вода прохладная, но, учитывая раскаленный воздух, прохлада была весьма кстати.

Давным-давно она была лучшей четырнадцатилетней пловчихой в Бедфордшире.

Она выиграла два соревнования в своей возрастной категории на Национальном чемпионате по плаванию для юниоров. Четыреста метров вольным стилем. Двести метров вольным стилем. Отец каждый день возил ее в местный бассейн. Порой и перед школой, и после. Но потом – когда брат начал играть на своей гитаре песни группы Nirvana – у нее поменялись интересы, и она научилась играть не только Шопена, но и классику вроде «Да будет так» и «Дождливые дни и понедельники»³². Она даже начала, еще до того, как «Лабиринты» зародились в воображении брата, сочинять собственную музыку.

Но она не забросила плавание полностью, просто перестала давить на себя.

Она доплыла до края бассейна. Остановилась и огляделась. Чуть ниже, неподалеку, увидела пляж, изгибающийся полукругом и приветствующий океан, который шлепал волнами по песку. А за пляжем землю, полосу травы. Парк с далекими собачниками, увенчанный пальмами.

За ним – дома и невысокие многоэтажки, машины, едущие по дороге. Она видела фотографии Байрон-Бей, и картинка не вполне сходилась. Это место, как бы оно ни называлось, казалось более застроенным. Все еще рай для серфингистов, но городской.

Вновь окинув взглядом бассейн, она заметила мужчину, который улыбался ей, пока она поправляла очки. Знала ли она этого человека? Радовалась ли его улыбке в этой жизни? Не имея ни малейшего представления, она ответила самой скромной из своих вежливых улыбок. Она чувствовала себя туристом с незнакомой валютой, который не знает, сколько дать на чай.

Затем пожилая женщина в купальной шапочке улыбнулась Норе, скользнув по воде прямо к ней.

– Доброе утро, Нора, – сказала она, не прекращая движения.

Это приветствие подсказало Норе, что она тут частый гость.

– Доброе утро, – ответила Нора.

Она перевела взгляд на океан, чтобы избежать неловкой болтовни. Стайка утренних серфингистов, размером с пятнышко, плыла на досках навстречу высоким сапфирово-синим волнам.

Это было многообещающее начало ее австралийской жизни. Она посмотрела на свои часы. Ярко-оранжевые, дешевенькие Casio. Жизнерадостные часы предполагали, понадеялась она, радостную жизнь. Всего лишь начало десятого утра. Рядом с часами на запястье висел пластиковый браслет с ключом.

³² Let It Be (1968) – хит группы The Beatles; Rainy Days and Mondays (1971) – хит дуэта The Carpenters.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.